

Неистовый

Автор:

Л. Дж. Шэн

Неистовый

Л. Дж. Шэн

Freedom. Интернет-бестселлеры Л. Дж. Шэн Святые грешники #2

Рози

Говорят, что жизнь – это красивая ложь, а смерть – болезненная правда.

Никто и никогда не заставлял меня чувствовать себя более живой, чем парень, который служит постоянным напоминанием о том, что время на исходе.

Он – мой запретный плод. А еще он – бывший моей сестры.

Но прежде чем осуждать меня, вы должны знать.

Я увидела его первой. Я полюбила его первой.

Одиннадцать лет спустя он ворвался в мою жизнь в надежде дать нам второй шанс.

Дин Коул хочет стать моим. Надеюсь, он не опоздал.

Дин

Говорят, что самые яркие звезды сгорают быстрее всего.

Она воспламеняет мой разум.

Ее остроумие, саркастичность и доброе сердце.

В мире, где все скучно, она сияет, как Сириус.

Одиннадцать лет назад судьба разлучила нас. На этот раз все будет по-другому.

Добиться ее – словно пройти через поле битвы. Но поэтому меня и называют Неистовым.

Рози ЛеБлан скоро узнает, как свирепо я могу бороться.

И завоевать ее станет самой сладкой моей победой.

Л. Дж. Шэн

Святые грешники. Неистовый

L. J. Shen

RUCKUS (Sinners of Saint #2)

Copyright © 2017. RUCKUS by L. J. Shen The moral rights of the author have been asserted.

© Норицына О., перевод на русский язык, 2022

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от

издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет за собой уголовную, административную и гражданскую ответственность.

* * *

«Л. Дж. Шэн делает все возможное и невозможное. Я обожаю эту серию».

Кайли Скотт, автор бестселлеров New York Times

* * *

Посвящается Кристине Линдсей и Шер Мейсон

«Хоть птичья трель и кажется прекрасной,

Не для тебя пичужка трудится сейчас.

И если моя холодность вдруг кажется ужасной,

То от меня и нежность не получишь и гроша».

Эрин Хэнсон

Звезды символизируют вечность. Ведь они светят на небе с незапамятных времен. Первые люди на Земле смотрели на те же звезды, на которые мы смотрим сейчас. И будут смотреть наши дети.

И внуки.

И их внуки.

А еще звезды символизируют цикл жизни, одиночество и надежды. Они горят на темном небосклоне, который занимает большую часть пространства, и напоминают нам о том, что даже в крошечной тьме всегда есть что-то, что может сиять.

Пролог

Рози

Прежде чем начать, мне, наверное, нужно кое-что прояснить. Вы ждете счастливого конца? Его не будет. Это невозможно. Немыслимо. И неважно, насколько высоким, красивым или богатым окажется мой Прекрасный принц.

А моего Прекрасного принца можно с легкостью описать этими словами. И не только ими.

Вот только проблема в том, что на самом деле он не мой. А моей сестры. Но не спешите меня осуждать. Ведь я увидела его первой. И первой захотела принадлежать ему. Первой влюбилась в него.

Жаль, что это не имело значения, когда Дин «Рукус»[1 - С английского языка прозвище главного героя «Ruckus» можно перевести как «громкий», «шумный», «неистовый».] Коул прижимался к губам моей сестры прямо перед моим носом в тот день, когда Вишес залез в ее шкафчик.

В такие моменты трудно понять, начало это или конец. Жизнь словно замирает, вынуждая присмотреться к реальности. А реальность – отстой. Поверьте мне, я не понаслышке знаю, насколько она сложна.

Жизнь несправедлива.

Именно эти слова сказал папа, когда в шестнадцать лет мне вздумалось начать встречаться с парнями. Когда он решительно пресек это.

– Боже милостивый, нет.

– Но почему? – У меня даже глаз задергался от раздражения. – Милли встречалась с парнями, когда ей исполнилось шестнадцать.

И это правда. Мы тогда еще жили в Вирджинии, и сестра сходила на четыре свидания с Эриком, сыном нашего почтальона. Папа фыркнул и погрозил мне указательным пальцем, как бы говоря: «Хорошая попытка».

– Ты не твоя сестра.

– Что это значит?

– Ты и сама прекрасно знаешь.

– Нет. – Хотя на самом деле знала.

– Это означает, что у тебя есть то, чего нет у нее. Это несправедливо, но жизнь несправедлива.

Еще один факт, с которым я не смогла бы поспорить. Папа утверждал, что я притягиваю внимание не тех парней, хотя на самом деле он даже пощадил мои чувства. Я понимала, из-за чего появилось его недовольство. Хорошо понимала. К тому же я всегда была его Маленькой принцессой. Козявочкой Розы. Его любимицей.

Я обладала яркой внешностью. Хотя и не стремилась к этому. Временами это даже доставляло неудобства. Густые ресницы, каскад карамельного цвета волос, длинные ноги, молочно-белая кожа и пухлые губы, которые занимали едва ли не половину лица. Да и в целом хоть я и выглядела подростком, но уже «созрела». Словно куколка, украшенная атласным бантом, с притягивающим взгляды выражением, которое, казалось, навсегда застыло на моем лице, несмотря на все мои усилия стереть его.

Я привлекала к себе внимание. В лучшем из смыслов этого слова. И одновременно в худшем. Черт возьми, да во всех смыслах. Поэтому я убеждала себя, что если бы удалось отвлечься на других парней, то сердце бы не сжалось

в груди, когда губы Дина и Эмилии соединились в поцелуе. Но это позволялось только Милли.

К тому же сестра заслужила это. Заслужила его. Мама и папа уделяли мне больше внимания. Всегда. У меня было много друзей, а поклонники выстраивались в очередь у нашей двери. Так что все взгляды оказывались прикованы ко мне. В то время как на сестру никто не обращал внимание.

Конечно, в этом не было моей вины, но никак не уменьшало этого чувства. Ведь именно из-за моей болезни и популярности пострадала старшая сестра. Стала одиноким подростком, который прячется за своими красками и холстом. Который предпочитает молчать, выражая свое мнение через странную и чуждающую одежду.

Так что я действительно радовалась за нее. Когда я впервые увидела Дина Коула в коридоре, пока шла от класса тригонометрии на английский, то поняла, что он легко мог стать чем-то большим, чем просто увлечение. Если бы он стал моим, я бы не отпустила его. И это само по себе пугало, потому что мне не следовало забываться.

Видите ли, мои часики тикали очень быстро. Я родилась не такой, как остальные. А с болезнью.

Иногда я побеждала ее. Иногда она побеждала меня.

Всеми любимая Роза увядала, и ни одному из цветов не понравится умирать на глазах у публики.

Так что все к лучшему, решила я, когда его губы оказались на ее губах. Вот только его глаза смотрели на меня. И от этого реальность стала еще сложнее и мучительнее, вызывая отчаянное желание убежать.

Но мне пришлось из первых рядов смотреть, как развиваются отношения сестры и единственного парня, при виде которого сердце начинало биться быстрее.

А мои лепестки опадали один за другим.

Потому что, хоть я и знала, что моя история не закончится словами «И жили они долго и счастливо», меня продолжал мучить вопрос... может ли она обрести счастье, хоть ненадолго?

Дин

Лето, когда мне исполнилось семнадцать, с самого начала не задалось, но я даже не предполагал, что оно закончится настолько ужасно.

Все указывало на предстоящую катастрофу. И хотя мне не удавалось понять, что именно подтолкнет меня к краю, я, наученный жизнью, готовился к сокрушительному удару, который отправил бы меня напрямик в ад.

И вот за несколько недель до окончания одиннадцатого класса все свелось к одному безрассудному, киношному клише. Все началось с нескольких бутылок Bud Light и сигарет. Мы развалились у бассейна Вишеса фигурной формы и пили выдохшееся пиво его отца, не сомневаясь, что нам ничего за это – господи, да за любую гребаную проделку – в стенах дома Барона Спенсера-старшего не будет. Нас окружали девушки. Которые уже успели накуриться.

В Тодос-Сантосе в штате Калифорния перед самыми каникулами вряд ли отыщешь много развлечений. На улице стояла жара. Воздух давил, солнце грело все сильнее, трава выцвела, а подросткам надоело вести себя как паиньки. Но при этом мы ленились гоняться за дешевыми острыми ощущениями, поэтому искали их, развалившись под палящим солнцем у бассейна на надувных матрасах в форме пончиков, фламинго и на итальянских шезлонгах.

Родители Вишеса отсутствовали – а они вообще бывали дома? – и все собрались здесь, рассчитывая, что я их развлеку. Я не любил разочаровывать людей, поэтому принес немного дури, которую все тут же расхватили и даже не поблагодарили, не говоря уже о том, чтобы заплатить. Они считали меня богатым обкуренным чуваком, которому деньги нужны так же, как Памеле Андерсон новая операция по увеличению груди, и в целом не ошибались. К тому же меня никогда не заботили такие мелочи, так что я не стал никому указывать на это.

Одна из девушек, блондиночка по имени Джорджия, щеголяла с новой камерой Polaroid, которую отец привез ей из последнего отпуска в Палм-Спрингс. Демонстрируя свое тело в маленьком красном бикини, она фотографировала нас – Джейми, Вишеса, Трента и меня, – после чего зажимала свежееотпечатанную фотографию между зубами и передавала нам изо рта в рот. Ее сиськи едва не вываливались из маленького бикини, как зубная паста из тюбика. Мне хотелось потереться членом между ними, и я не сомневался, что сделаю это к концу дня.

– Боже, боже, это будет здооооорово. – Джорджия на несколько секунд растянула первую «о» в последнем слове. – Выглядишь невероятно сексуально, Коул, – промурлыкала она и навела на меня камеру, когда я поставил банку с пивом на бедро, сжимая между пальцами сигарету.

Щелк.

И доказательство моих грехов с провокационным шипением выскользнуло из ее камеры. Она обхватила уголок снимка губами, после чего наклонилась и потянулась ко мне. Я схватил его и засунул в карман. Ее глаза проследили за моей рукой, когда я слегка приспустил резинку шорт вниз, демонстрируя светлые волосы чуть пониже пупка и приглашая продолжить вечеринку в укромном месте. Она сглотнула, явно заинтересовавшись. Наши взгляды встретились, чтобы без единого слова обсудить место и время. А затем кто-то прыгнул в бассейн бомбочкой и окатил ее брызгами. Джорджия рассмеялась и покачала головой, после чего перешла к следующей фотомодели – моему лучшему другу Тренту Рексроту.

Конечно же я собирался уничтожить фотографию до того, как вернусь домой. Но, видимо, дурь отбила мне память. В итоге на этот снимок наткнулась мать. После чего отец прочитал одну из своих лекций, которые, казалось, разъедали мои внутренности, словно мышьяк. И знаете, чем все закончилось? Они отправили меня на летние каникулы к моему чертовому дяде, которого я терпеть не мог. И я знал, что лучше не спорить с ними. Потому что не собирался разбираться в этом дерьме и ставить под удар поступление в Гарвард за год до окончания школы. Я столько сил потратил ради этого будущего, ради этой жизни. И она раскинулась передо мной во всем своем богатстве, привилегированности и испорченности в виде частных самолетов, зарубежной недвижимости и ежегодных каникул в Хэмптоне. В этом все прелести жизни. Когда что-то хорошее попадает тебе в руки, ты не только вцепляешься в это всеми гребаными силами, но и сжимаешь так сильно, что едва не ломаешь.

Просто еще один урок, который я усвоил слишком поздно.

В любом случае, через пару недель я оказался в Алабаме, где два месяца перед выпускным классом вкалывал на гребаной ферме под палящим солнцем.

Трент, Джейми и Вишес все это время пили, курили и трахали девушек в Тодос-Сантосе. Я же вернулся туда с фингалом под глазом, великодушно подаренным мне мистером Дональдом Уиттекером, которого также звали Филин, после вечера, который изменил меня навсегда.

– Жизнь похожа на суд, – сказал мне Илай Коул, мой отец-адвокат, перед тем как отправить меня на самолет в Бирмингем. – Она не всегда справедлива.

Гребаная правда.

Тем летом меня заставили прочитать Библию от корки до корки. Филин был примерным христианином и постоянно обращался к Библии. Поэтому заставлял меня читать ее вместе с ним во время наших обедов. Ветчина на ржаном хлебе и Ветхий Завет даже стали для меня передышкой, потому что все остальное время этот придурок вел себя со мной просто ужасно.

Уиттекер был фермером. В те моменты, когда умудрялся протрезветь. Так что он назначил меня своим мальчиком на побегушках. А я не стал особо возражать. Главным образом потому, что по вечерам мог потискать дочку его соседа.

Та считала меня кем-то вроде знаменитости лишь потому, что я не разговаривал с акцентом южан и у меня была своя машина. Ну а мне не хотелось разрушать ее фантазии, ведь она так страстно желала получить первые уроки секса. Правда, это происходило после проповедей Филина, которые приходилось выслушивать, лишь бы не драться с ним на сеновале до потери сознания.

Думаю, отправив меня сюда, родители хотели мне показать, что жизнь не ограничивается дорогими автомобилями и каникулами на лыжных курортах. Филин и его жена будто сошли со страниц книги «Жизнь в бедности для чайников». Так что каждое утро я просыпался и спрашивал себя, что значат два месяца по сравнению со всей моей гребаной жизнью.

В Библии оказалось много безумных историй: про инцесты, целая коллекция упоминаний крайней плоти, Иакова, сражающегося с ангелом... Клянусь, уже во второй главе я задался вопросом, а действительно ли это религиозная книга. Но одна из историй запомнилась мне еще до встречи с Рози ЛеБлан.

Бытие 27. Иаков переехал к своему дяде Левану и влюбился в Рахиль, младшую из двух его дочерей. Рахиль была чертовски сексуальной, неистовой, грациозной, при виде которой сразу текли слюнки (да, это тоже указано в Библии, хоть и описано более скупно).

Леван и Иаков заключили сделку. Иакову предстояло проработать на Левана семь лет, чтобы жениться на его дочери.

Иаков исправно трудился все эти годы, надрывая задницу от зари до заката. А когда срок вышел, Леван наконец пришел к Иакову и сказал, что тот может жениться на его дочери.

Но привел на церемонию не Рахиль. А ее старшую сестру Лию.

Лия была хорошей женщиной. Иаков знал это. Она была милой. Разумной. Щедрой. С классной попкой и ласковым взглядом, (Здесь я тоже немного перефразировал. Ну, кроме глаз. Это тоже описано в Библии, представляете?)

Только она не была Рахиль.

Она не была Рахиль, а Иаков хотел Рахиль.

Всегда. Только. Чертову. Рахиль.

Иаков спорил и возмущался, пытаясь вразумить своего дядю, но ничего не вышло. Жизнь походила на суд даже в те времена. И как всегда оказалась какой угодно, но не справедливой.

«Проработай на меня еще семь лет, – пообещал Леван, – и я позволю тебе также жениться на Рахиль».

Так что Иаков ждал.

Затаился.

И тосковал.

Но это, как понимает любой, у кого есть хоть капля разума, только подстегивает наше отчаянное желание завладеть тем, что завладело нами.

Шли годы. Медленно. Болезненно. Оцепенело.

И Иаков проводил их с Лией.

Он не страдал. Совсем нет. Лия оказалась добра к нему. Беспримышным вариантом. Она даже родила ему детей, что, как впоследствии оказалось, с трудом удалось сделать Рахиль.

Иаков знал кого хотел. Да, возможно, Лия походила на сестру, возможно, пахла как сестра, и, черт возьми, даже ощущалась как сестра, но она не была Рахиль.

Иаков потратил четырнадцать лет своей жизни, но в итоге смог заполучить Рахиль.

Да, Бог не благословил ее. А благоволил Лие. Но это не имело значения.

Рахиль не нуждалась в его благословении.

Ее любили.

И в отличие от суда и жизни любовь справедлива.

Что еще? В конце концов любви оказалось достаточно.

В конце концов любовь, черт побери, затмила все.

Спустя семь недель с начала выпускного года очередное бедствие разразилось прямо у меня под носом. И имя этому бедствию Роза ЛеБлан с глазами,

напоминавшими два замерзших озера на Аляске. Вот точно такого же цвета.

Я увидел ее впервые, когда она открыла мне двери дома для прислуги, расположенного на территории поместья Вишеса, и ощутил себя так, будто кто-то выкрутил мне яйца. Потому что она отличалась от Милли. Вернее, она походила на сестру – слегка, – но оказалась меньше ростом, с более полными губами, более выразительными скулами и маленькими заостренными ушками, как у озорной феи. А еще она не надевала странную одежду, как Эмилия. На ней была пара черных шлепанцев с морскими звездами, черные узкие джинсы с разрезами на коленях и поношенная черная толстовка с изображением незнакомой мне группы на белом фоне. Она явно старалась не привлекать к себе внимания, но, как я позже узнал, у нее это получалось так же успешно, как у гребаного маяка.

Стоило нашим взглядам встретиться, как по ее лицу и шее расплылся румянец, не уступающий по цвету пламени ада. И это многое мне объяснило. Это для меня Роза оказалась незнакомкой, но мое лицо она прекрасно знала. Лицо, которое она рассматривала, знала и на которое смотрела не раз. Все это гребаное время.

– Мы участвуем в тайном соревновании по гляделкам? – Она не стала лезть за словом в карман. В ее хриплом голосе даже прозвучали какие-то неестественные нотки. Слишком низкие. Слишком хриплые. Слишком непривычные для нее. – Потому что ты уже двадцать три секунды смотришь на меня и все еще не представился. Правда, уже успел дважды моргнуть.

Вообще я пришел в дом прислуги, чтобы позвать на свидание Эмилию ЛеБлан. Вернее, загнать ее в угол, как напуганное животное, которому больше некуда бежать. Она не дала мне свой номер телефона. Но как охотник по натуре, я терпеливо выжидал, пока она не окажется достаточно близко, чтобы наброситься на нее. Хотя это не мешало мне время от времени пытаться подобраться к ней поближе. Но если честно, я начал преследовать Эмилию не потому, что так сильно заинтересовался ей. Сам процесс охоты вызывал у меня острые ощущения и покалывание в яйцах, а она, в отличие от остальных девушек, вильнула у меня хвостом прямо перед носом. Поэтому и стала новой жертвой для моего ненасытного хищника. Но я не ожидал найти это.

Это, черт побери, меняло все.

Я стоял перед ней, не произнося ни слова и сверкая своей издевательской ухмылкой, хотя на самом деле в каком-то смысле это она издевалась надо мной. И у меня в голове возникла мысль, что в этот конкретный момент, наверное, не мне досталась роль охотника. Наверное, на долю секунды я превратился в Элмера Фадда[2 - Эмер Фадд – мультипликационный персонаж вселенной Looney Tunes, который охотился на Багза Банни.] с ружьем в лесу без единого патрона, перед которым вдруг вышла разъяренная тигрица.

– Оно вообще может говорить? – Светлые брови тигрицы сошлись над переносицей, когда Роза наклонилась вперед и ткнула меня в грудь своим маленьким когтем.

Она назвала меня «Оно».

Насмехалась надо мной. Подкалывала. Издевалась.

Натянув на лицо свое самое невинное выражение (что не так-то легко мне дается, так как я позабыл, что такое невинность еще до того, как мне перерезали пуповину), я стиснул зубы и отрицательно покачал головой.

– Ты не можешь говорить? – Скептически изогнув бровь, она скрестила руки на груди и прислонилась к дверному косяку.

Я кивнул, старательно скрывая расплывающуюся улыбку.

– Что за бред? Я видела тебя в школе. Дин Коул. Да это же тебя называют Рукусом. Ты не только можешь говорить, но и, кажется, большую часть времени не можешь заткнуться.

Черт побери, как точно сказано, маленькая фея. Собери-ка свою воинственность в бутылку и побереги до момента, когда я завалю тебя на свои простыни.

Чтобы понять, насколько я удивился ее поведением, стоит сообщить, что ни одна девушка никогда так со мной не разговаривала. Даже Милли. А ведь мне казалось, что Милли единственная в школе, на кого не действует мое сексуальное обаяние настоящего американца «позволь мне сорвать твои трусики зубами». Проклятье, именно поэтому она и привлекла мое внимание.

Но, как я уже говорил, планы меняются. Не похоже, что у нас с ней что-то получится. Я несколько недель нарезал круги вокруг Милли в школе, размышляя, стоит ли добиваться ее, но сейчас, увидев, кого упустил из виду – эту маленькую петарду, – готов погреться в ее безумном пламени.

Я одарил Рози еще одной грязной ухмылкой. Именно благодаря ей я заполучил прозвище «Рукус» в коридорах Школы Всех Святых два года назад. И оно идеально мне подходило. Я создавал гребаные хаос и анархию везде, где только появлялся. И все об этом знали. Учителя, ученики, директриса Фоллоухилл и даже местный шериф.

Нужна хорошая дурь? Ты идешь ко мне. Мечтаешь покутить на отличной вечеринке? Ты идешь ко мне. Хочешь потрясающего секса? Ты идешь ко мне – запрыгиваешь на меня. И именно это моя ухмылка – та, которую я применяю с тех пор, как мне исполнилось пять, – говорила всему миру.

И если она вносит беспорядок, совращает или добавляет веселья – я в полном восторге.

А эта девчонка? Рози выглядела так, словно ее «падение» доставит мне очень много удовольствия.

Ее взгляд скользнул к моим губам. Тяжелый. Желаящий. Опьяненный. Старшеклассниц так легко читать. Хотя та, что стояла сейчас передо мной, улыбалась не так широко, как остальные. И никак не проявила желания пофлиртовать со мной.

– Ты можешь говорить, – она практически выплюнула эти слова мне в лицо обвиняющим тоном.

Я же в ответ прикусил нижнюю губу, а затем отпустил ее. Медленно. Просчитано. Дразняще.

– Может, я знаю несколько слов, – выдохнул я Рози в лицо. – Хочешь услышать что-то определенное?

Глаза молили меня отпустить их в путешествие по ее телу, но мозг уверял подождать. И я решился прислушаться к нему.

Так что я расслабился.

Решил быть хитрее.

Хотя впервые за много лет понятия не имел, что мне делать.

А Розы в ответ одарила меня усмешкой, которая лишила меня дара речи. Как она умудрилась впихнуть так много слов в одно-единственное выражение лица? Оно говорило мне, что моя попытка подкатить к ней не произвела особого впечатления. Что я ей нравлюсь – ну конечно, – что она меня заметила – естественно, – но мне не удастся отделаться импровизированным и слегка идиотским флиртом, чтобы добиться ее внимания.

Но как бы ни оказалось сложно это сделать, я готов вступить на этот путь.

– Ты серьезно? – она заигрывала со мной, сама не понимая этого.

Я опустил подбородок и наклонился вперед. Высокий, доминирующий, уверенный в себе. И обожающий проблемы. Она, вероятно, слышала об этом, а если нет, то скоро узнает.

– Думаю, ты и сама знаешь ответ, – сказал я.

Две минуты назад меня переполняла решимость пригласить на свидание ее сестру – держу пари, старшую сестру, потому что стоящая передо мной цыпочка выглядела моложе и, кроме того, будь она старше, я бы видел ее, – но по воле судьбы она открыла передо мной двери и изменила мои планы.

Малышка ЛеБлан бросила на меня странный, но все еще призывный взгляд. Но только я открыл рот, как краем глаза заметил Милли, которая так быстро бежала в нашу сторону из душной гостиной большого дома, словно там развернулись боевые действия. Она прижимала к груди учебник, а ее глаза выглядели припухшими и покрасневшими. Она смотрела прямо на меня, и на мгновение мне показалось, что я получу по лицу этим дешевым учебником.

Если честно, сейчас я жалею, что Милли этого не сделала тогда. Это оказалось бы намного лучше, чем то, что она на самом деле исполнила.

Ведь Милли оттолкнула маленькую фею в сторону, словно и не заметила ее, а затем бросилась ко мне – с непривычной нежностью – и прижалась губами к моим губам, словно в нее вселился злой дух.

Проклятье!

Что же она натворила!

Только не поцелуй. Хотя, думаю, он оказался хорошим. Просто у меня не было возможности это осознать, потому что мой удивленный взгляд устремился к фее с острыми ушками. Она выглядела испуганной, а ее васильковые глаза смотрели на нас, и в них светилось то, что я еще не был готов принять.

Какого черта творила Милли? Еще несколько часов назад она старательно делала вид, что не замечает меня в коридоре, притворялась равнодушной и старалась поскорее скрыться с моих глаз. А сейчас прилипла ко мне, как сыпь после сомнительной связи на одну ночь.

Я медленно отстранился и обхватил ладонями щеки Милли, чтобы она не убежала от меня, но при этом между нами оказалось достаточно места, чтобы там поместилась маленькая фея. Мне не хотелось, чтобы Эмилия прижималась ко мне. И, черт побери, я впервые испытывал подобное по отношению к горячей цыпочке.

– Привет, – сказал я.

И тут же отметил, что в голосе не слышалось привычной игривости. Но и Милли никогда так себя не вела. Что-то случилось, и у меня имелись предположения, кто вызвал эту маленькую сцену. Кровь вскипела в венах. Я втянул воздух через нос, старательно сдерживая нарастающий внутри гнев.

– В чем дело, Мил?

Она посмотрела на меня таким пустым взглядом, что к горлу тут же подступила желчь. Я почти слышал, как бьется ее чертово сердце в груди. Мой взгляд скользнул к малышке ЛеБлан, молча спрашивая, как, черт побери, мне выпутаться из этой ситуации. Но Розы уже отступила от нас на шаг, а ее глаза неотрывно смотрели на расстроенную красотку, которая все еще пыталась меня обнять. Милли явно находилась в отчаянии. И я не смог ей отказать. Не в тот момент.

– Вишес, – сказала старшая из сестер, громко шмыгнув носом. – Со мной случился Вишес.

А затем она кивнула на учебник математики, словно это все объясняло. Мой взгляд неохотно вернулся к Эмили «Милли» ЛеБлан.

– Что натворил этот засранец? – Я выхватил книгу у нее из рук и пролистал несколько страниц, в поисках непристойных комментариев или оскорбительных рисунков.

– Он взломал мой шкафчик и украл учебник, – она снова шмыгнула носом. – А затем набил его обертками от презерватива и прочим мусором.

Она вытерла нос тыльной стороной рукава.

Да чтоб этот идиот провалился ко всем чертям. Ведь именно его отношение к Милли стало еще одной причиной, из-за которой я решил начать с ней встречаться. Желание защищать бездомных животных терзало меня с самого детства. Это моя, мать ее, ахиллесова пята. Я не так плох, как Вишес, и не так хорош, как Джейми. Но старался придерживаться своего морального кодекса, и издевательства в них выделялись красной длинной кровавой чертой.

Вернемся к бездомным животным. Понимаете, в моих глазах Милли идеально подходила на роль дрожащего под дождем блохастого комочка, который нуждался в защите. Который терроризировал в школе и преследовал один из моих лучших друзей. Так что внутри меня все зудело от необходимости поступить правильно. Необходимости помочь ей, но, черт подери, я этого не хотел.

– Я разберусь с ним. – Я старался не показывать свою злость. – Возвращайся домой.

И оставь меня наедине со своей сестрой.

– Ты не обязан, правда. Но я рада, что ты здесь.

Я бросил украдкой взгляд на девушку, которой было суждено стать моей Рахиль. И в этот раз в моих глазах отразилась тоска. Потому что я понимал, что лишился всех шансов в ту же секунду, когда ее сестра поцеловала меня, чтобы отомстить гребаному Вишесу.

– Я думала о нас.

Милли быстро моргнула, настолько поглощенная собственными эмоциями, что даже не поняла, что я едва удостоил ее взглядом с тех пор, как она появилась в дверях. Слишком загруженная своими проблемами, чтобы заметить, что ее сестра находилась прямо, черт побери, здесь, в двух шагах от нас.

– И решила... почему бы и нет? На самом деле я с удовольствием пойду на свидание с тобой.

Она врала, и прекрасно знала об этом. Ей просто хотелось, чтобы я стал ее щитом. Милли нуждалась в рыцаре на белом коне.

А я сейчас нуждался в гребаном куреве.

Вздохнув, я притянул старшую из сестер в объятия и обхватил ее затылок, запутываясь пальцами в ее светло-каштановых волосах. Но все еще не мог отвести глаз от малышки ЛеБлан. Моей маленькой Рахиль.

«Я все исправлю», – пообещал я ей взглядом. Вот только и сам в это не верил.

– Тебе не обязательно идти со мной на свидание. Я помогу тебе и как друг. Только скажи, и я надеру ему задницу, – прошептал я в идеальное ушко Милли, пока сверлил взглядом ее сестру.

Но она покачала головой, теснее прижимаясь ко мне.

– Нет, Дин. Я хочу пойти с тобой на свидание. Ты милый, веселый и внимательный.

А еще в полном восторге от твоей сестры.

– Что-то я сомневаюсь, Милли. Ты отшивала меня несколько недель. И сейчас соглашаешься только из-за Вишеса. Мы оба это знаем. Попей воды. Подумай. А я поговорю с ним завтра на утренней тренировке.

– Пожалуйста, Дин, – ее голос больше не дрожал, когда она стиснула мою дизайнерскую футболку в кулачках, притягивая меня ближе к себе и в то же время отдаляя от моей новой яркой фантазии. – Я уже большая девочка. И знаю, что делаю. Так что давай не будем откладывать.

– Да, идите, – прошептала хриплым голосом малышка ЛеБлан, после чего махнула рукой в сторону двери. – Мне все равно пора делать уроки, а вы меня отвлекаете. Я обязательно окуну Вишеса задницей в бассейн, если увижу его рядом с ним, Милли, – пошутила она, делая вид будто разминает свои худые ручки.

Малышка ЛеБлан хреново училась и чаще всего получала тройки с минусом, но тогда я этого не знал. Она не собиралась заниматься домашкой. Она просто хотела, чтобы ее сестру спасли.

Так что я повел Милли поесть мороженое и в этот раз даже не оглянулся.

Я повел Милли, хотя должен был выбрать Розу.

Я повел Милли, а в голове строил планы, как убить Вишеса.

Рози

Настоящее время

Что помогает тебе почувствовать себя живой?

Конденсат. Потому что доказывает, что я все еще дышу.

Кажется, это называется «сам с собой веду беседу», но я всегда так делала.

Голос, который всегда задавал заковыристые вопросы, по какой-то неведомой причине засел в моем мозгу, потому что он принадлежал не мне. Это был мужской голос. И при этом не принадлежал ни одному из моих знакомых. При этом он всегда напоминал мне, что я все еще дышу, ведь в моем случае это не считалось чем-то само собой разумеющимся. На этот раз ответ всплыл у меня в голове как пузырь, который может лопнуть в любой момент. Я прижалась носом к зеркалу в лифте гламурного небоскреба, в котором жила, и резко выдохнула, отчего вокруг за клубилось маленькое облачко белого пара. Я отстранилась и уставилась на последствия своих действий.

То, что я все еще дышала, вызывало огромное разочарование у моей болезни.

Муковисцидоз. Я никогда не вдавалась в подробности, если кто-то спрашивал у меня про болезнь. Ограничивалась лишь тем, что мне поставили диагноз в три года, когда моя сестра Милли лизнула мое лицо и сказала, что я «очень соленая». Это стало для моих родителей чем-то вроде красного флага, поэтому они повели меня сдавать анализы. И результат оказался положительным. За этим странным названием скрывается заболевание легких. Да, оно поддается лечению. Нет, от него нет лекарства. Да, оно очень сильно влияет на мою жизнь. Так что я постоянно принимаю лекарства, трижды в неделю хожу на физиотерапию, несчетное количество раз делаю ингаляции и, вероятно, умру в ближайшие пятнадцать лет. И нет, мне не нужна ваша жалость, поэтому перестаньте так на меня смотреть.

На мне все еще красовалась зеленая форма медсестры, волосы спутались, а глаза казались остекленевшими от недосыпа, так что я мысленно молилась, чтобы лифт поскорее закрылся и доставил меня в квартиру на десятом этаже. Мне хотелось раздеться, понежиться в горячей ванне, завалиться в кровать и посмотреть «Портландию». И не хотелось думать о моем бывшем парне Даррене.

На самом деле мне совершенно не хотелось о нем думать.

Резкий цокот высоких каблуков эхом отдавался в моих ушах, казалось бы из ниоткуда, становился все громче с каждой секундой. Стараясь сдержать кашель, я повернула голову в сторону вестибюля. Двери лифта уже начали закрываться, но в самую последнюю секунду в щель просунулась женская рука с огненно-красными ногтями, и под пронзительный смех створки полезли назад.

Я нахмурилась.

Только бы не он в очередной раз.

Но, конечно же, мне не повезло. Они ворвались в лифт, и воздух тут же наполнился таким запахом алкоголя, от которого бы окосел даже взрослый слон. Это были две женщины из разряда «Отчаянных домохозяек». Первая – та «умница», которая решила рискнуть своей рукой, чтобы попасть в лифт, – цыпочка с бордово-красными волосами в стиле Джессики Рэббит[3 - Джессики Рэббит – мультипликационный персонаж из романов, комиксов и фильмов про кролика Роджера.] и декольте, которое ничего не оставляет воображению, даже если у вас оно очень плохо развито. Вторая – миниатюрная брюнетка с самой круглой задницей, которую я когда-либо видела, и в таком коротком платье, что, вероятно, смогла бы пройти осмотр у гинеколога, даже не снимая его.

Ох, а за ними шел Дин «Рукус» Коул.

Высокий – идеального роста для кинозвезды, – с глазами цвета мха, сияющими, как радиоактивные элементы, и бездонными, как самые глубокие впадины в океане, с растрепанными волосами и телом, которому позавидует даже Брок О’Херн[4 - Брок О’Херн – американский спортсмен, тренер и телевизионный актер с фигурой атлета.]. А еще настолько греховно сексуальный, что тебе остается лишь отвернуться и молиться, чтобы твое нижнее белье оказалось достаточно плотным, чтобы впитать все возникшее возбуждение. Seriously, этот

парень настолько возмутительно сексуален, что, скорее всего, его объявили бы вне закона в ультрарелигиозных странах. Но, к счастью для меня, мне довелось узнать, что мистер Коул так же оказался придурком мирового масштаба, поэтому я по большей части стала невосприимчива к его обаянию.

И ключевые слова здесь «по большей части».

Дин слыл красавчиком, но при этом частенько влипал в скандалы эпических масштабов. Знаете, тех женщин, желающих повстречать испорченного, прекрасного и незащищенного парня, которого смогут исправить и наставить на путь истинный? Дин Коул стал бы их эротической мечтой. Потому что с этим парнем определено что-то было не так. И то, что его близкие не замечали мигающих неоновых предупреждений – о его пьянстве, чрезмерном увлечении дурью и бешеной зависимости от всего греховного и доставляющего удовольствие, – печалило меня. Но я прекрасно понимала, что дела Дина Коула не должны меня волновать. К тому же у меня были свои проблемы, с которыми требовалось разобраться.

Неистовый Хулиган икнул, нажал на кнопку своего пентхауса раз так пятьсот, а затем слегка покачнулся. И все это в маленьком пространстве, которое теперь приходилось делить на четверых. Его глаза лихорадочно блестели, а кожу покрывал тонкий слой пота с ароматом чистого бренди. Толстая, покрытая ржавчиной проволока обвилась вокруг моего сердца.

Его улыбка не показалась мне счастливой.

– Малышка ЛеБлан, – ленивые нотки в голосе Дина тут же отдались внизу живота, вынуждая замереть.

А он схватил меня за плечо и развернул на месте так, чтобы я оказалась лицом к нему. Его спутницы тут же пронзили меня такими взглядами, словно вместо меня находилась куча тухлых яиц.

– Поосторожнее. Ты пахнешь так, словно Джек Дэниэлс только что кончил тебе в рот, – упираясь руками ему в грудь, невозмутимо произнесла я.

Дин откинул голову назад и рассмеялся – на этот раз совершенно искренне, – наслаждаясь нашей странной беседой.

– Эх, какая девушка! – Он обнял меня за плечи и прижал к своей груди. После чего, глядя на застывших с непонимающей улыбкой спутниц, указал на меня второй рукой, в которой сжимал горлышко пивной бутылки. – Чертовски сексуальна, при этом с мозгами и остроумием, которые затмили бы Уинстона Черчилля в его самый звездный час, – выпалил он.

Не удивлюсь, если они решили, что Уинстон Черчилль – это персонаж какого-то мультфильма. Дин повернул ко мне голову, и его брови внезапно сошлись над переносицей.

– Любая другая на ее месте стала бы снисходительной сукой. Но только не она, потому что еще и чертовски добрая. Вот почему она работает медсестрой. Прятать такую прекрасную задницу под халатом медсестры – преступление, ЛеБлан.

– Прости, что разочаровываю тебя, Офицер Курилка, но я лишь волонтер. На самом деле я работаю баристой, – разглаживая зеленую ткань, поправила я, после чего выскользнула из-под его руки и улыбнулась женщинам.

Я помогала в отделении интенсивной терапии три раза в неделю. Следила за инкубаторами, убирала детские кашки. Мне не достался художественный талант, как Милли, или удача, как Грешникам, но у меня имелись свои увлечения – люди и музыка, – и меня заботили мои стремления не меньше, чем то, как они зарабатывают на жизнь. Дин получил степень MBA в Гарварде и подписан на «Нью-Йорк таймс», но лучше ли он меня? Нет, черт возьми. Я работала в маленькой кофейне под названием «Черная дыра», которая находилась между Первой авеню и авеню А. Платили там не очень, но мне нравился коллектив. Так что я решила, что жизнь слишком коротка, чтобы делать то, что не приносит удовольствия. Особенно у меня.

Джессика Рэббит закатила глаза. Миниатюрная брюнетка дернула обнаженным плечом и, повернувшись к нам спиной, уткнулась в телефон. Они посчитали меня больной сукой. Что ж, они не ошиблись. Причем в буквальном смысле. Но раз уж мы говорили буквально, то их ждало впереди грубое пробуждение. Я наизусть знала ритуал моего соседа и бывшего парня сестры. Утром он вызовет им такси и даже не потрудится сделать вид, будто сохранил их номера.

Утром Дин станет вести себя так, будто они какой-то мусор, который необходимо поскорее убрать. Он протрезвеет, будет мучиться от похмелья и вести себя неблагодарно.

Потому что был одним из Святых Грешников.

Богатенький, взбалмошный эгоист из Тодос-Сантоса, который считал, что заслуживает всего и никому ничего не должен.

Ну же лифт, чего ты так ползешь?

– ЛеБлан, – прислонившись к серебристой стене и вытащив сигарету из-за уха, едва ли не рявкнул Дин.

Он передал бутылку одной из девушек, а затем принялся искать зажигалку в сшитых на заказ темных джинсах. Помимо них, на нем была дизайнерская футболка с V-образным вырезом – цвета лайма, который не только резал глаза, но и оттенял его кожу, отчего она казалась более загорелой, – расстегнутый черный блейзер и высокие кеды. Дин пробуждал во мне желание совершать глупости. Сделать то, чего я никогда не хотела совершать, особенно с мужчиной, который встречался с моей сестрой восемь месяцев. Так что я запрятала эти желания поглубже и попыталась пробудить в себе злость. Дин походил на Бэтмена. И с легкостью переживет это.

– Завтра. Ты? Я. Воскресный завтрак. Скажи только слово, и я полакомлюсь не только едой.

Он опустил подбородок, впиваясь в меня своими изумрудными глазами со зловещим выражением на лице. У этого парня есть хоть какие-то понятия о приличиях? «Избалованный мальчишка, – возникла в голове мысль. – Через несколько минут его ожидает секс втроем, а он пристаёт к сестре своей бывшей девушки. На глазах своих спутниц. Почему они еще не высказали ему все, что думают?»

Я не стала отвечать на его «заманчивое» предложение, вместо этого решив обратить внимание на кое-что другое.

– Если ты зажжешь эту штуку в лифте, – я указала на его сигарету, – клянусь, сегодня же вечером проберусь в твою квартиру и залью твоего дружка горячим воском.

Джессика Рэббит ахнула. Миниатюрная брюнетка взвизгнула. Думаю, они понимали, что тоже оказались бы на линии огня.

– Боже, остынь немного. – Брюнетка махнула мне рукой, едва сдерживая себя. – Ты немного перегнула палку, тебе не кажется?

Но я даже не взглянула на девушку с подведенными карандашом глазами. Вместо этого я уставилась на красные цифры над дверью лифта, показывающие, что с каждой секундой мне остается все меньше и меньше до ванны, вина и «Портландии».

– Ответь мне. – Дин тоже не смотрел на женщин, с которыми собирался провести эту ночь, вместо этого пытаюсь поймать мой взгляд своими остекленевшими глазами. – Что насчет позднего завтрака? – Он икнул. – Или мы можем отбросить все условности и сразу заняться сексом?

Какой неисправимый романтик! К несчастью для него, мое «нет» оставалось неизменным.

Честно говоря, меня вывело из себя не только то, как он пытался затащить меня в постель, но и то, что Дин выбрал для этого неподходящий момент. Прошло три недели с тех пор, как Даррен собрал свои вещи и съехал из квартиры, которую мы делили последние полгода. Мы начали встречаться с ним девять месяцев назад после того, как я рассталась с жирной обезьяной и любителем электронной музыки Хэлом. Так что Дин вполне мог стать моим бальзамом для разбитого сердца после расставания. И даже факт, что он, по сути, являлся моим арендодателем – которому я платила всего сотню долларов в месяц по договору, – не стал бы препятствием. Он владел моей квартирой наравне с Вишесом, Трентом и Джейми, и, хотя у меня не возникало сомнений, что он не выгнал бы меня на улицу – Вишес бы этого не позволил, – я прекрасно понимала, что следовало вести себя с ним мило.

Но зная, что он, возможно, мог бы наградить меня всеми известными ЗППП, отказать ему становилось проще. На самом деле невероятно легко.

А на дисплее красные цифры медленно сменяли друг друга.

Третий этаж.

Четвертый.

Пятый.

Давай, давай, давай.

– Нет, – решительно сказала я, когда поняла, что он продолжает смотреть на меня, ожидая ответа.

– Почему? – спросил он и снова икнул.

– Потому что мы не друзья и ты мне не нравишься.

– И почему же? – ухмыльнувшись, допытывался он.

«Потому что ты разбил мне сердце, и мне пришлось собирать его по кусочкам, отчего оно стало хрупким и в трещинах», – мысленно ответила я.

– Потому что ты безнадежная шлюха, – озвучила я причину номер два из списка «Почему я ненавижу Дина». А он был длинный с большой буквы «Д».

Но его не смутили и не расстроили мои слова. Он вновь наклонился ко мне и провел указательным пальцем той руки, в которой сжимал сигарету, по моей щеке. На его лице застыло отстраненное и задумчивое выражение. Когда он опустил палец в нескольких сантиметрах от моих губ, – так близко, что можно было разглядеть округлые узоры отпечатка, – я увидела на самом кончике свою изогнутую ресничку.

– Загадай желание. – Голос Дина атласом обвился вокруг моей шеи, слегка сжимая горло.

Я закрыла глаза и прикусила нижнюю губу. А открыв их вновь, сдула ресницу и несколько секунд смотрела, как она покачивается в воздухе, словно перышко.

– Нежели тебе не интересно, что я загадала? – мой голос прозвучал хрипло.

Дин наклонился ко мне, едва не задев губами щеку.

– Не имеет значения, что ты загадала, – невнятно пробормотал он. – Важно лишь то, что тебе необходимо. А у меня это есть, Роза. И однажды – мы оба знаем, что это случится, – я отдам тебе это. Сполна.

Я возвращалась домой из детской больницы в центре города, где провела последние шесть часов, куда отправилась сразу после смены в кафе. Я устала, проголодалась и заработала мозоли размером с собственный нос. Так почему тело отреагировало на эти слова трепетом в груди? А это произошло и разозлило меня.

– Поздний завтрак, – пробормотал он мне в лицо, обдувая горячим и несвежим дыханием кожу. – Ты живешь в квартире уже почти год. Пришло время пересмотреть арендную плату. У меня дома. Завтра утром. Я буду ждать тебя, и лучше тебе появиться. Ясно?

Сглотнув, я отвела взгляд и подняла голову лишь тогда, когда лифт остановился, а двери поползли в сторону. Устремившись вперед, я практически выбежала в коридор и быстро достала ключи от квартиры.

Пространство. Мне требовалось пространство. Все, какое возможно. И прямо сейчас.

Дин рассмеялся, и я слышала его смех, пока он со своими великолепными спутниками не скрылся за дверьми своего пентхауса на двадцатом этаже.

Приняв ванну, я налила себе немного вина, съела здоровый и сбалансированный ужин – состоящий из «Читос» и какого-то соуса оранжевого цвета, который я откопала в недрах холодильника, – после чего развалилась на диване и начала щелкать каналы. Хотя мне хотелось посмотреть «Портландию», после такого простого ужина меня потянуло на что-то более изысканное, поэтому мой вечер

продолжился фильмом «Чего ждать, когда ждешь ребенка».

И это оказалось ошибкой. Не только потому, что он набрал всего двадцать два процента на сайте Rotten Tomatoes, но и потому, что заставил меня думать о Даррене.

Из-за чего мне вновь захотелось позвонить ему и извиниться.

Несколько долгих секунд я смотрела на телефон, обдумывая усталым мозгом, каким будет наш разговор.

Он бы взял трубку.

И попытался бы убедить меня, что я совершаю ужасную ошибку.

Что ему плевать. Что он все еще хочет быть со мной.

Только он и сам знает, что это не так.

Я недостаточно хороша. Не для такого, как он.

Наверное, стоит рассказать еще кое-что обо мне. Несмотря на то что мне прекрасно дается сарказм и редко удастся удержать язык за зубами, обычно я лишь лаю, но не кусаюсь. Мне не нравилось разрушать чужие жизни. Я предпочитала спасать их. Поэтому я и бросила Даррена.

Он заслуживал нормальной жизни с нормальной женой и таким количеством детей, чтобы удалось создать свою футбольную команду. Он заслужил каникулы и развлечения на свежем воздухе за пределами больничных стен. Ведь ему приходилось там работать. Короче говоря, Даррен заслуживал намного больше, чем я когда-либо могла ему дать.

Я забралась в кровать, прижалась спиной к изголовью и уставилась на дверь своей спальни, желая, чтобы она открылась от пинка богоподобного мужчины, который пришел бы, чтобы согреть меня ночью.

Дина Коула.

Господи, я ненавидела его. И сейчас сильнее, чем когда-либо. Он собирался изменить арендную плату. Как он мог? Я и так жила, едва сводя концы с концами. Особенно по стандартам Манхэттена. Уверена, он зарабатывал за день столько, сколько я за два года. Так неужели таким образом он собирался отомстить мне за то, что я не поддавалась на его флирт?

Закрыв глаза, я представила, как этот придурок мирового масштаба зарылся между ног Джессики Рэббит, а она извивается на его точеном, совершенном лице, пока миниатюрная брюнетка отсасывает ему. К собственному ужасу я сунула руки в трусики и осознала, насколько они стали влажные, отчего невольно нахмурилась и тихо закашлялась.

Скорее всего, Дин Коул настоящий кобель. Поэтому он перевернет Джессику Рэббит, едва она кончит, и начнет вколачиваться в нее сзади, дергая за алые волосы.

Я погрузила указательный палец себе в лоно, а затем добавила к нему средний, чтобы надавить на то самое местечко.

С отвращением я представила, как он, едва закончив с Джэссикой Рэббит, хватает миниатюрную брюнетку за шею и бросает на спину. После чего начинает трахать ее, щипая за соски. Сильно.

Возмущаясь собственным фантазиям, я выгнула спину.

И несмотря на испытываемое отвращение, с моих губ сорвался тихий стон.

А затем я испытала оргазм.

Я ненавидела все в Дине Коуле.

Все... кроме него самого.

Дин

– С-Е-К-С.

Вот к чему все на самом деле сводится.

Весь мир держится на одной-единственной животной потребности. Наше стремление выглядеть лучше, усерднее тренироваться, улучшать благосостояние и гоняться за вещами, которые нам даже не нужны – более крутая тачка, более четкие формы тела, продвижение по службе, новая стрижка, и все, что нам стараются продать в рекламе.

Все. Из-за. Секса.

Именно из-за него женщины покупают духи, косметику или гребаные платья.

Именно из-за него мужчины ввязываются в автокредиты на новую спортивную машину с огромными платежами, которая чертовски некомфортна по сравнению с каким-нибудь корейским автомобилем, которым они владели еще неделю назад. Или вкалывают себе стероиды в раздевалке в душном спортзале...

Они. Делают. Это. Чтобы. Заняться. Сексом.

Даже если сами не понимают этого. Даже если не согласны с этим. Ты покупаешь эту блузку, этот джип, соглашаешься исправить себе нос, только чтобы казаться более сексуальной. Это научно доказано, детка. И с этим дерьмом не поспоришь.

И это относится даже к искусству. Некоторые из моих любимых песен воспевали секс еще до того, как я понял, что могу использовать свой член не только для того, чтобы выписывать на снегу собственное имя.

«Summer of '69»? Брайану Адамсу в шестьдесят девятом было только девять. Но он явно пел о своей любимой позе для секса. «I Just Died in Your Arms» группы Cutting Crew? Об оргазмах. «Ticket to Ride» великих the Beatles? О проститутках. «Come On Eileen»? Чертова веселая песня, под которую все танцуют на свадьбах? В ней певец принуждает Эйлин заняться с ним сексом.

Секс повсюду. А почему бы и нет? Он чертовски великолепен. Я не мог им насытиться. И у меня довольно хорошо получалось. Я сказал «хорошо»? Зачеркните это. Ошеломительно. Вот то слово, к которому я стремился. Потому что практика помогала мне совершенствоваться.

И видит бог, у меня было много практики.

И эта мысль напомнила мне о том, что следовало купить еще одну пачку презервативов. Я специально заказывал их у фирмы «Скажи это резинке». И не просто выбирал упаковку, чтобы на ней значилось мое имя – некоторые цыпочки даже просили сохранить ее в качестве сувенира, представляете, и я конечно же разрешал, чтобы не расстраивать их, – но и цвет резины (мне нравились красный и фиолетовый. Из-за желтого мои яйца выглядели бледными...), а также тщательно подбирал нужную толщину – пятнадцать десятитысячных миллиметра, если вам интересно, – чтобы все ощущалось как можно лучше.

– Доброе утро, – прохрипела одна из девушек, пробуждаясь от сна, после чего запечатлела трепетный поцелуй на моем затылке.

Мне всегда требовалось несколько секунд, чтобы вспомнить, с кем провел ночь, но этим утром это оказалось сделать сложнее, потому что вчера я пил так, словно поставил перед собой цель превратить свою печень в бочонок с ромом.

– Хорошо спалось? – пробубнила вторая цыпочка.

Я перегнулся через край кровати к тумбочке и, подхватив телефон, принялся читать длинное сообщение, написанное моим другом и деловым партнером Вишесом. Большинство людей предпочитали писать короткие сообщения, стараясь передать в них свою точку зрения. Но этот напористый ублюдок измывался над Siri до тех пор, пока не прислал мне текст размером с гребаную Библию.

Проснуться от его сообщения равносильно пробуждению от минета акулы. Но мне все же пришлось его прочитать.

«Дорогой Козел,

моя невеста упомянула при разговоре, что ее сестра, которая приносит лишь головную боль, может опоздать на репетиционный ужин в следующую субботу, потому что постарается сэкономить несколько долларов и полетит с пересадками до Тодос-Сантоса.

Она подружка невесты Эм, поэтому ее присутствие не просто, черт побери, обязательно. Оно необходимо. И если мне придется тащить ее за волосы, я это сделаю. Хоть и предпочел бы обойтись без этого. Ты знаешь, как я отношусь к вашему городу. Нью-Йорк тяжело переносится организмом. Лос-Анджелес лишает души.

А у меня уже давно нет души.

Поэтому прошу тебя, как друга, постучать в двери Розы и сунуть ей в руки новый билет. Попроси Сью забронировать ей билет первого класса рядом с тобой и убедись, что она сядет на самолет в пятницу. Прикуй ее к гребаному сиденью, если потребуется.

Наверно, ты сейчас спрашиваешь себя, какого хрена ты должен делать мне какие-то одолжения. Но это одолжение Милли, а не мне.

У нее стресс.

Она переживает.

И не заслуживает этого дерьма.

Если младшая сестра Эм думает, что может делать все, что заблагорассудится, то ошибается.

Заставь ее понять это, потому что каждый день, когда Розы разыгрывает из себя послушную скромную святую, моя будущая жена переживает.

А мы все знаем, как я реагирую, когда страдает что-то, принадлежащее мне.

Спокойного дня, ублюдок.

В».

Не стоило ждать высокопарного слога, это же Барон Спенсер.

Я потянулся, чувствуя, как горячее тело медленно взбирается на меня сверху, борясь с озером темно-синих, бесшовных, шелковых простыней, разделяющих нас. Меня окружали дорогушая ткань, горячая плоть и мягкие изгибы. Солнце лилось в окна от пола до потолка, освещая балкон размером чуть меньше сотни квадратных метров и море свежескошенной травы, раскинувшееся до самого горизонта. Теплые лучи лизнули мою кожу. Бар искушал намешать себе «Кровавую Мэри». А шикарные серые и темно-синие диванчики просто умоляли меня отжарить на них девочек, чтобы весь гребаный Нью-Йорк их видел и слышал.

Короче говоря, утро было потрясающим.

Ну, если не считать сообщение Вишеса.

Поэтому я позволил себе найти успокоение в объятиях этих женщин – Наташи и Кеннеди – и сделать то, чего от меня хотел Бог, или природа, или все вместе. А именно – жестко оттрахать их. Потому что я понимал свою гражданскую ответственность, необходимость пустить корни и прочее дерьмо.

Пока Кеннеди – красноволосая красотка, возвращала мне память – осыпала поцелуями мою шею, продвигаясь к утренней щетине, а Наташа – колоритная миниатюрная инструкторша по йоге – жадно целовала мои губы, я обдумывал новую информацию, стараясь не обращать внимания на заслуженное похмелье, которое било отбойным молотком по черепу.

Итак, Милли ЛеБлан переживала из-за репетиционного ужина. Это неудивительно. Она всегда была примерной девочкой, которая хотела, чтобы все проходило идеально, и тратила все свои силы на это. И этим поразительно отличалась от мужчины, за которого выходила замуж, потому что он, казалось, поставил перед собой цель испортить как можно больше жизней своим саркастичным остроумием и отвратительным поведением.

Она была самым милым человеком из всех, кого я знал – что не равнозначно слову «хорошим», кстати, – а он, безусловно, самым неприятным.

Наверное, мне следовало бы подумать: «А что, если...» – ведь мы с Милли когда-то встречались. Человеческий мозг устроен так, что в нем часто всплывают ненужные вопросы. Да, мне уже исполнилось двадцать девять, а Милли все еще оставалась моей единственной девушкой, с которой я встречался всерьез, поэтому люди могли бы предположить, что она стала для меня большой и потерянной любовью.

Но правда, как и всегда, разочаровывала и шокировала.

Я никогда не любил Милли. Она мне нравилась, но это чувство не граничило с одержимостью или безумием. Я заботился о ней и желал защитить ее, но у меня никогда при виде нее не срывало крышу так, как это происходило с Вишесом.

И тот факт, что она продолжала мне нравиться, несмотря на то что сбежала от меня, написав о необходимости расстаться в сраном письме, еще раз доказывает, что на самом деле мы не созданы друг для друга.

Если уж говорить правду, я был влюблен в Эмилию ЛеБлан... но разлюбил ее. Иногда мне даже кажется, что меня просто восхищал ее образ, а не она сама. Но одно уж точно нельзя оспорить – когда мы встречались, я хорошо относился к ней. Не изменял. Уважал. А она же в ответ кинула меня.

Так что по сей день я сомневаюсь, что знал свою бывшую девушку. Конечно, я знал о ней то, что обычно пишут в профилях на сайте знакомств. Сухие факты. Милли была застенчивой, хорошо воспитанной и любила рисовать. Но я даже не догадывался, какие ее мучают страхи или секреты. Что не давало ей спать по ночам, и из-за чего ее кровь начинала кипеть, а тело трепетать.

Еще одна правда заключалась в том, что мне никогда не хотелось узнавать подобное о ком-то, кроме Розы ЛеБлан. Но она, черт побери, ненавидела меня. Поэтому я и не заводил отношений. Но она когда-нибудь изменит мнение обо мне. Обязательно изменит.

Розы никогда не брала денег у Милли и Вишеса. Вернее, это происходило только в крайнем случае. Она не скрывала этого, а скорее даже демонстрировала, обставив мою нью-йоркскую квартиру стоимостью больше двух миллионов долларов, в которой жила, мебелью, купленной по объявлениям, на которую

потратила явно меньше двух сотен. Я сомневался, что смогу переубедить ее поменять билет, но, как и всегда, когда дело касалось ее, готов был потратить все свои силы на попытку сделать это.

Так, с этим вопросом я все решил. Так что следовало вернуться к более важным вещам – к сексу.

Но как только Кеннеди обхватила губами мой член, демонстрируя насколько глубокая у нее глотка, раздался стук в дверь. Для входа на этаж требовался код, а так как я никому не давал его в последнее время, оставался только один вариант – ко мне пришла сама мисс ЛеБлан.

– Дин! – ее хриплый голос проник из коридора в каждую клеточку моего тела, отчего член затвердел еще сильнее. Уверен, Кеннеди заметила это, потому что ее хватка стала чуть слабее, и я почувствовал ее тяжелое дыхание у бедер. Наташа разорвала наш поцелуй, и они обе замерли.

Раздалось еще три удара.

– Открывай!

– Опять та девчонка? – спросила брюнетка, хмурясь и одновременно надув губы.

– Конечно, это она, черт возьми.

– Она меня бесит.

– Такая странная, – согласилась Наташа.

Будто их мнение имело значение. Для меня. Или Розы.

Я сел на постели и натянул свои черные спортивные штаны. Меня не расстроило, что не удалось потрахаться. Мне больше хотелось увидеть эту крошку и волновал вопрос, зачем она пришла. Так что я встал и потер сонные глаза, а затем скользнул рукой вверх, чтобы взъерошить волосы.

– Хорошо повеселились. – Я поцеловал тыльные стороны рук девушек, а затем развернулся в сторону входной двери. – Нам стоит как-нибудь повторить эту ночь.

Этого не случится. Никогда. Я прощался с ними, и они прекрасно понимали это. Я объяснил им все предельно ясно, когда повстречался с ними в баре на Манхэттене, куда я отправлялся всякий раз, когда искал, с кем бы использовать изготовленные на заказ презервативы. Я сел за барную стойку и обратил внимание на двух девушек, которые курили дурь. Я обменялся с ними несколькими заинтересованными взглядами, а затем подал бармену знак, чтобы он отправил им по коктейлю. Через несколько минут они пригласили меня к себе за столик. Мы поболтали, сделали несколько сэлфи, один коктейль превратился в семь. И все пошло по накатанному сценарию.

– Оооо, ты просто нечто, – сказала Кеннеди и первой поднялась с кровати.

Я обернулся и увидел, как она резко подняла платье с пола, словно мои слова ее обидели.

«Серьезно?» – подумал я. Прежде чем поймать такси и отправиться ко мне, я сразу им сказал, что не стоит ждать чего-то большего, чем секс на одну ночь.

Боже, неужели то, что я забрал их обеих из бара, и разговор о самых дерьмовых роликах в интернете натолкнул их на мысль о повторных встречах?

Я утешающе подмигнул девушкам, а затем с важным видом направился в просторный, залитый солнечным светом коридор с кремовым мраморным полом и черно-белыми семейными портретами, уставившимися на меня со стен с огромными белозубыми улыбками.

– Эй, мистер Засранец! Ничего, что мы еще не закончили? – крикнула мне вслед Наташа.

Но я уже добрался до входной двери и распахивал ее, словно магнит притянутый к источнику моего гребаного либидо.

Малышка ЛеБлан. Маленькая, красивая, сумасшедшая фея.

Сегодня Роза надела обычные джинсы и простую белую рубашку на пуговицах. Ее вариант сшитого на заказ костюма. Волосы она собрала в высокий, небрежный пучок. Судя по ее расширенным глазам, ее явно впечатлил мой внешний вид. Ухмыльнувшись, я прислонился плечом к двери.

– Передумала насчет завтрака?

– Ну, ты угрожал пересмотреть размер арендной платы. – Она на секунду опустила глаза на мой пресс, а затем вновь вернулась к лицу и прищурилась.

Черт, я действительно это сделал. Воспоминания о прошлой ночи затуманили алкоголь, дурь и киски.

– Заходи.

Я отступил в сторону. Взглянув на меня, она переступила порог и зашла в квартиру.

– Я думала, ты хотя бы угостишь меня кофе, прежде чем набрасываться со своими предложениями по арендной плате. Вот тебе и добрый сосед, – пробормотала Роза и обвела мою квартиру широко раскрытыми глазами.

Я скрестил руки на груди, демонстрируя свое накачанное тело, и провел языком по нижней губе.

– Хочешь, чтобы я вел себя как добрый сосед? Только скажи, и я угощу тебя завтраком в пекарне на первом этаже, а затем подарю несколько оргазмов на десерт, – сказал я, после чего добавил: – И если захочешь, потом оттрахаю твою задницу на кровати.

– Перестань приставать ко мне, – ее голос звучал на удивление спокойно.

Роза обошла массивный бело-серый кухонный остров, расположившийся посреди кухни, напичканной приборами из нержавеющей стали, которые блестели на солнце. А затем плюхнулась на стул и уставилась на пустую кофеварку у раковины так, словно она совершила зверское преступление.

– Почему? – поддразнил ее я и включил кофеварку.

Почему я должен перестать приставать к Розе ЛеБлан? Она недавно бросила того скучного врача и сейчас ни с кем не встречалась. Так что стала легкой добычей, поэтому я собирался позабавиться с ней, пока у нее на спине не появятся ожоги третьей степени от ковра.

На самом деле именно эта мысль возникла у меня первой, когда я увидел, как этот жалкий ублюдок выносит барахло из ее квартиры. Из моей квартиры.

«Я трахну твою бывшую раньше, чем на подушке высохнут слезы о тебе, – подумал я. – И ей это так сильно понравится, что она приползет ко мне и станет молить о продолжении».

А в реальной жизни Роза с радостью приняла у меня кружку горячего кофе, который я приготовил, и сделала глоток. После чего закрыла глаза и застонала. Серьезно, она застонала. Черт подери, мне тут же захотелось установить этот звук себе на звонок. Но она уже открыла глаза и обрушила бочку ледяной воды на мои фантазии.

– Потому что ты уже потыкал своей колбаской в соусе моей семьи. И хотя я знаю, что он так прекрасен, что все хотят попробовать его снова и снова, боюсь, ты останешься в полете.

– Мне нравится, когда ты объединяешь секс и еду.

Я шагнул к кухонному острову и, опершись на него локтями, обвел Розу жарким взглядом.

– Наверное, потому, что мы кока-кола, а ты согласен пить и лимонад. – Она бросила взгляд в сторону спальни.

Я искренне рассмеялся, отчего напряглась каждая мышца моего туловища. От Розы не ускользнули мои V-образные мышцы, жилистые руки, тугий пресс и выпуклые грудные мышцы, отчего ее щеки, только пару секунд назад вернувшие персиковый оттенок, вновь выдали это. Даже если она сама никогда этого не признает.

– Я хочу тебя, – сказал я, не моргнув и глазом – но немного ранимо, – потому что это была чистая правда.

– Как хотел мою сестру, – коротко кивнув, сказала малышка ЛеБлан. – Ты решил пройтись по всем нашим родственницам? Сделать тебе копию нашего семейного древа?

– Конечно, как только появится такая возможность, – я решил слегка надерзить ей в ответ. – Хотя у меня такое чувство, что я застряну с тобой надолго.

– Какой же ты упрямый, – выдохнула она и кашлянула, как делала это каждую минуту, после чего отпила еще один большой глоток кофе из чашки.

– Да, этим меня Бог не обделил. Да мне вообще не на что жаловаться.

Моя ухмылка стала шире, а глаза скользнули к паху. Мы вступали в противостояние силы воли. И это радовало. Потому что меня ожидала победа. Я всегда получал то, что хотел. А сейчас мне хотелось, чтобы Роза сидела передо мной, в ожидании моего решения по поводу арендной платы.

Из коридора появились Кеннеди и Наташа. Они снимали одну квартиру на двоих, поэтому меня не удивило, когда брюнетка сказала своей подруге, что такси подъедет через три минуты. Думаю, они поступили правильно, решив заказать такси на двоих. Ведь потратив вчера на дурь и напитки денег столько же, сколько хватило бы на арендную плату, им следовало экономить. Разумное решение.

– Пока, девочки. – Я помахал им рукой.

– Пока, придурок. – Замахнувшись, Кеннеди швырнула в меня туфлю – бросок, после которого квотербеку внутри меня захотелось засвистеть от восхищения.

Но я успел среагировать и пригнул голову. Красная шпилька пролетела через кухню и, едва не задев плечо Розы, врезалась в холодильник.

Там еще и вмятина осталась. Она действительно оставила вмятину на моем холодильнике. Раньше это никому не удавалось сделать.

Рози медленно подняла чашку и отпила кофе с абсолютным безразличием на лице.

– Хмм, – сказала она. – Как приятно.

Она явно говорила не о кофе. А о просмотре развернувшейся драмы из-за того, что я таскаюсь за каждой юбкой. Но после ее слов прозвучал короткий стон. Снова.

«Все верно, Роза ЛеБлан, – подумал я. – Я утащу тебя за волосы на темную сторону, а ты даже не поймешь этого».

– Давай перейдем к делу, милая. Ты летишь со мной в Тодос-Сантос в пятницу.

Я достал полную мерную ложку протеина из контейнера и отправил в стакан с обезжиренным молоком. Тебе не удастся стать похожим на меня, если будешь питаться только нездоровой пищей. А я всегда добивался желаемого. И неважно, сколько усилий это требовало. В спортзале, на работе, в отношениях с родителями. Все просчитано и заработано нелегким трудом. Но я не ищу легких путей. Меня приучали к этому с ранних лет. Все – Роза, ее сестра, мои друзья – считают меня счастливым засранцем, который родился с серебряной ложкой, засунутой так глубоко в рот, что никогда не приходилось даже шевелить пальцем. И я позволял им так думать. Нет ничего плохого в том, что тебя недооценивают.

Увидев, как Роза заерзала на высоком стуле, я понял, что она не сдастся без боя. Для болеющей девушки она вела себя чертовски дерзко.

– Милли уже спрашивала меня. Но разница в цене между билетами целых двести долларов. А это всего лишь репетиционный ужин. И если я на него не попаду, это не значит, что я пропущу саму свадьбу.

Вишес и Эмилия назначили свадьбу на воскресенье, но большинство гостей – включая Джейми, Трента и меня – прилетали в Тодос-Сантос в пятницу, почти на полторы недели раньше, чтобы превратить репетиционный ужин, мальчишник и девичник, а затем и само торжество в непрекращающееся гулянье. Мы были сплоченной командой. Даже чересчур. Поэтому всякий раз, когда нам удавалось провести немного времени вместе, мы всеми руками хватались за эту

возможность. Роза до сих пор жила впроголодь по собственному выбору. Ее сестра выходила замуж за одного из богатейших мужчин Америки. И меня восхищало, что малышка ЛеБлан оказалась не одной из тех, кто присасывается к чужому кошельку. Да, она действительно практически ничего не платила за роскошную квартиру, в которой жила, и ей бесплатно доставляли лекарства, но при этом усердно работала, чтобы покрывать остальные траты. И вдобавок несколько раз в неделю ходила менять грязные подгузники и общаться с посетителями детской больницы. Она относилась к тем людям, за которых следовало держаться крепче, и я прекрасно понимал это.

– Ты подружка невесты.

Прислонившись бедром к кухонному острову, я повернул к ней голову. Она не сводила взгляда с моего бицепса, пока я встряхивал протеиновый коктейль. Он двигался назад и вперед, как теннисный мяч. Роза облизнула губы и покачала головой, видимо, желая избавиться от образа, как я шлепаю ее по заднице своей мускулистой рукой.

– Я прекрасно понимаю всю серьезность этой роли и вполне способна пройти несколько метров по прямой, придерживая подол ее платья. Ты же понимаешь, это все, что от меня требуется?

– А как же девичник? – Я потер оголенный пресс, в надежде сорвать очередной стон с ее губ или вынудить их облизать, а затем запрокинул голову и глотнул коктейль со вкусом печенья и карамели, который даже отдаленно не напоминал печенье или карамель, а скорее походил на дерьмо.

– А что с ним? – Она встретилась со мной взглядом, словно бросая мне вызов.

– Кто планирует его для Милли? Разве это не входит в обязанности подружки невесты?

– Все под контролем, и мы отлично повеселимся. А почему ты спрашиваешь? Ты готовишь вечеринку для Вишеса? – удивленно спросила она и наклонилась вперед, отчего ее маленькие упругие груди сжались вместе.

Я хмыкнул, чувствуя, как набухает мой член под низко сидящими спортивными штанами.

Со стороны, скорее всего, казалось, что мы с Вишесом дерьмово ладим. Но это совсем не так. Конечно, мы не так близки друг с другом, как с остальными парнями, но все же остаемся верными друзьями.

– Так и есть. И мне помогает Джейми. Мы отправимся на все выходные в Вегас.

– Шикарно, – ответила Роза и одарила меня снисходительной улыбкой.

– Сначала мы планировали наплевать на всех и не прийти на репетиционный ужин нашего лучшего друга, но потом появилась ты и украла нашу идею. Кстати, какая муха укусила твою маленькую дерзкую попку? Неужели твоя старшая сестра так часто выходит замуж?

Она крутанулась на стуле, а когда повернулась ко мне вновь, что-то сжалось у меня в груди. «Ну ты и придурок», – сказал себе я. Не знаю, что именно так задело Розу, но она побледнела как полотно.

– Заткнись, Рукус. Мне просто стало интересно, понравится ли Милли то, что я запланировала. Я собиралась устроить пижамную вечеринку. Со специально подобранным плейлистом и так далее. – В ее слезящихся глазах светилась неуверенность и желание услышать мое мнение.

И это совершенно не походило на Розу. Обычно она пылала уверенностью в себе, и мне стало дерьмово от того, что случайно загасил это пламя.

– Пижамная вечеринка? – Я прошел мимо нее, чтобы коснуться пальцами ее талии. Случайно, конечно. – Милли скромная цыпочка. И, уверен, она обрадуется такому девичнику.

– Ага, особенно после того, как узнает, что вы едете в Вегас. Так что мне тоже придется придумать что-то поинтереснее, – пожаловалась она, без спроса наливая себе вторую чашку кофе.

– Решила побыть хорошей сестрой? Тогда начни с согласия взять чертов билет, который я собираюсь тебе купить.

– Нееет, – тяжело вздохнув, протянула она. – Ты что, разучился говорить по-английски? И мне придется сказать тебе «нет» на другом языке? Я плохо знаю язык идиотов, но могу попытаться сказать, – проворчала Рози.

– Вишеса сильно беспокоит этот вопрос. Он готов приехать сюда и утащить тебя насильно. Так что я меньшее из двух зол, малышка ЛеБлан. И ты обязана поехать со мной, – повторил я.

Не сказал бы, что они заслужили моих одолжений, но я рад за Вишеса и Милли. А еще больше рад тому, что проведу неделю с малышкой ЛеБлан. Я уже много лет безумно влюблен в ее кремовую круглую попку. Так что пришло время заявить об этом.

Рози отвернулась и скрестила руки на груди, как упрямый ребенок.

– Нет.

– Да, – ответил я ей тем же тоном. – И тебе стоит заранее собрать чемодан, потому что рейс рано утром, а впереди нас ждет напряженная неделя.

Она моргнула, но ничего не ответила.

– Давай заключим взаимовыгодную сделку, хорошо? – Я уперся локтями в столешницу кухонного острова и обхватил ее лицо руками, отчего Рози невольно подалась ко мне.

Мы замерли точно друг напротив друга, и хоть она этого не знала, но выглядели мы как две половинки одной скульптуры. Созданными друг для друга. А еще она не знала, что вскоре мы проверим мою теорию и выясним, насколько подходим друг другу. Скоро. Очень, черт подери, скоро.

– Я должен отвезти тебя в логово дьявола, потому что тебя там ждут. – Мне прекрасно известно, насколько ужасным бывает Вишес. – Но если тебе что-то понадобится, просто позвони. Подумай об этом. Это хорошая возможность узнать друг друга получше. – Я одарил ее широкой улыбкой, от которой на щеках появились ямочки.

– Я не хочу узнавать тебя лучше. Все, что я знаю о тебе – а это не так уж много, – мне совершенно не нравится, – сказала Роза. – Если мы не будем обсуждать арендную плату за квартиру, то я лучше пойду.

– Поехали со мной в Тодос-Сантос. – Я проигнорировал ее последнее замечание.

Черт, а она не собиралась отступить. И почему это меня так завело? Возможно, потому что большинство женщин вели себя совершенно по-другому в моем присутствии. Они улыбались, строили глазки, флиртовали. Но малышка ЛеБлан никогда не делала ничего из этого.

– Забудь об этом, – пробормотала она и прыгнула со стула.

– Роза, – предупреждающе сказал я.

– Дин. – Теперь она повторила мой тон. А еще закатила глаза. – Прошу, постарайся решить, какой будет новая арендная плата до конца месяца. Чтобы я успела собрать вещи и съехать, если не смогу ее потянуть.

Роза подошла к двери и захлопнула ее перед моим носом, так и не дав мне сказать, что арендная плата останется прежней, если она поедет со мной.

Да уж, хорошо поболтали. Но в целом все шло по-моему, так что недолго осталось терпеть. Скоро малышка ЛеБлан склонится передо мной.

Ее часики тикали все быстрее, и я больше не собирался позволять ей растрачивать наше время впустую.

Глава 3

Роза

Что помогает тебе почувствовать себя живой?

Поездка на автобусе по неизвестному маршруту. Прогулка долгой дорогой домой. Настороженность, охватывающая тело из-за того, что я оказалась в незнакомом месте.

– Какой-то скучный плейлист, детка, – заметила моя лучшая подруга в следующую среду, когда я подключила флешку к ноутбуку в «Черной дыре».

Я составила восьмичасовой плейлист с лучшими песнями всех времен, как делала это всегда в свои смены. Люди съезжались со всего Нью-Йорка, чтобы послушать мои плейлисты. Клиенты говорили, что подобранные мной песни помогали им мысленно перенестись в пригород, находясь при этом в самом центре Манхэттена. Я смешивала их, точно молочный коктейль, совмещая французский электропоп с анархическим панком и со старым британским роком. Благодаря этому к нам стягивались мужчины из близлежащих зданий и платили по пять баксов за маленький латте. Как. Сладка. Победа.

– Спасибо, подруга.

Я подмигнула ей и, отойдя от ноутбука, в сотый раз за утро принялась вытирать стойку перед собой. Несмотря на то что мне присвоили инвалидность на всю оставшуюся жизнь из-за болезни, я решила работать. И это помогло мне воспрять духом. Работа стала для меня спасением, потому что для людей болеющих, как я, вся взрослая жизнь проходит будто на испытательном сроке.

– Как поживает твой сексуальный сосед? – спросила Элли, упираясь локтями в стойку и постукивая ногами в такт песни «I'm Shipping Up to Boston» группы Dropkick Murphys, которая доносилась из динамиков. – Все еще мегабогат?

– О да. А еще мегапридурок, – ответила я и закашляла.

Мне бы хотелось, чтобы моя блондинистая, фигуристая и великолепная подруга Элли не видела Дина в прошлом месяце. Мне казалось, что он вообще не обратил на нее внимание, когда мы зашли в лифт, потому что спросил у меня, не хочу ли я прокатиться. Я конечно же поинтересовалась: «На чем?» И Дин ответил: «На моем языке». Но главное во всем этом то, что Элли заметила его. А когда узнала, что он еще один из акционеров огромной инвестиционной компании «Чемпионс

Бизнес Холдингс», а еще и хорош собой, ее глаза загорелись. С тех пор она постоянно пристает ко мне с расспросами о нем.

– Это не должно нас волновать. – Она отмахнулась от меня, совершенно не обращая внимания на отчаявшихся клиентов в дальнем углу кафе, которые уже вечность показывают ей рассчитать их.

Даже если бы они станцевали ламбаду, она бы вряд ли их заметила. Элли была удивительной девушкой и невероятно ужасной официанткой. Я быстро отыскала их заказ, распечатала чек и, подойдя к ним, предложила в качестве извинения бесплатные лимонные пирожные, а затем вернулась к ничего не подозревающей Элли. Несмотря на то что я работала бариста и это не входило в мои обязанности, порой мне приходилось прикрывать подругу.

– Может, тебя это и не волнует, но не меня. В любом случае, он пытается уговорить меня отправиться с ним в Тодос-Сантос в пятницу вместо субботы. Чего мне совершенно не хочется.

Я прикусила нижнюю губу, думая о маме и папе. Я еще не рассказывала Элли о нашем с Дином разговоре. Большую часть недели подруга провела у своих родителей в Небраске. И мне совершенно не хотелось выливать на нее свои проблемы и портить ей отпуск.

– Что? Не вздумай, черт возьми! – Элли пригрозила мне пальцем, а затем перевела взгляд на двух парней, которые зашли в кафе и сейчас ожидали, пока она возьмет у них заказ. – Твои родители – зануды, а мать постоянно лезет в твои дела. Кроме того, они все еще не знают, что ты рассталась с Дарреном, верно?

Верно.

Но дело не только в родителях. Мне пришлось бы тусоваться с Вишесом и Дином, двумя наименее любимыми людьми. Неделя точно не доставит радости. Я не стала устраивать праздник жалости к себе, чего очень хотелось сделать, а вместо этого решила сменить тему.

– Кстати, мне придется поменять планы насчет девичника сестры. И устроить ей что-то безумное и с легким налетом сияния. – Я открыла одну из банок с

шоколадным печеньем, которые стояли на столе позади нас, и засунула в рот две печеньки. – Есть какие-то предложения?

«Не говори Вегас, не говори Вегас, не говори Вегас», – мысленно взмолилась я.

– Два слова: Лас-Вегас. – Она изобразила в воздухе неоновую вывеску. – Поддайтесь всем соблазнам Города грехов. Стриптизеры. Выпивка. Концерт Бритни Спирс. Все греховные удовольствия, в которые только можно погрузиться.

Я застонала и с глухим стуком опустила голову на стойку.

Меня не волновали деньги. Стоило заикнуться Вишесу, и он бы выложил любую необходимую мне сумму. И, конечно, в пользу этого варианта говорило то, что, отправившись в Вегас, я бы провела больше времени с Милли, и меньше с мамой. Но мне все равно не нравилась эта мысль.

– Есть еще какие-то идеи? – изогнув бровь, спросила я.

Элли скорее бы удалось затащить меня в пещеру с оголодавшими вампирами, чем сознательно отправиться в один город со Святыми Грешниками Тодос-Сантоса, по совместительству являвшимися лучшими друзьями жениха. Особенно с Дином Коулом. Его флирт и сексуальные намеки действовали мне на нервы.

– На мой взгляд, Вегас твой лучший вариант, детка. Конечно, вы еще можете устроить вечеринку с вибраторами – которую будете вспоминать всю жизнь как самую отстойную, – или провести выходные на курорте в Мексике. Нет, нет, нет. Тебе, как подружке невесты, больше нельзя есть углеводы. – Она накрыла рукой банку с печеньем, как только я потянулась за добавкой. – И помни... Главное – не стать Энни.

– Что за Энни? – нахмурилась я.

– Ох, из «Девичника в Вегасе», которая запорола всю свадьбу подруге. И не позволяй другим подружкам невесты затмить тебя. Они будут припоминать тебе это всю оставшуюся жизнь.

Почему-то я в этом сомневалась. У Милли было не так уж много друзей. И я оказалась ее единственной подружкой невесты. Слава богу, она изначально не возлагала на мою помощь большие надежды.

– Спасибо за совет, – фыркнула я.

– Не стоит благодарности. – Она пожала костлявыми плечами. – Я не шучу, не слушай их. Никого. Я отказалась от просмотра романтических комедий на спор еще в шестнадцать лет. Но пару раз – или тысячу – все же смотрела их. И, думаю, в них показывают вполне реальные ситуации.

Я рассмеялась, потому что с Элли невозможно не смеяться.

– Я серьезно, Роза. Вегас идеальное место для девичника. Думай не о том, чего хочешь тебе... а о том, чего хочет Милли. Это ее праздник. И это так же относится к приглашению твоего сексуального соседа уехать пораньше в Тодос-Сантос.

Как же меня злило, когда Элли оказывалась права.

Взглянув на время на экране своего мобильного, я поняла, что через полчаса должна отправиться выгуливать соседскую собаку, а метро в это время года кишит туристами, которые по количеству превзошли бы население небольшой страны. Я опустила подбородок.

– Как насчет вина и суши вечером?

– Закажи мне сашими. Я этим летом решила похудеть. – Она провела руками по своему телу, обводя несуществующие изгибы, а затем показала мне большой палец. Но вдруг остановилась и нахмурилась. – Эй, а кого ты позвала на девичник? Твою сестру не назовешь душой компании.

И это она еще мягко сказала. Кроме школьной подруги Синди, которая до сих пор жила в Тодос-Сантосе, и какой-то Глэдис, с которой Милли познакомилась в Лос-Анджелесе, а потом та помогла ей открыть свою галерею, она ни с кем близко не общалась. Я покачала головой и принялась переставлять кофейные чашки на стойке.

– И тебе не стыдно выпрашивать у меня приглашение? До чего докатился этот мир?

– Эй, красотка, если тебе не нравится наш мир, переезжай жить на другую планету. И на этой ноте, – Элли вскинула в воздух кулак, – мы едем в Вегас! Дашь пять?

– Сначала ты показала мне большой палец, а теперь это? Спасибо, но с меня хватит избитых жестов, – поддразнила я.

– А твой сексуальный сосед тоже там будет? Ну, в Вегасе? Похоже, он устраивает просто безумные вечеринки.

– Да, – простонала я и тут же поняла, что во мне бурлило не только раздражение из-за перспективы общения с Дином.

Меня это еще и взволновало.

Совсем чуть-чуть, но и этого хватило, чтобы мой желудок сделал сальто.

И мне стоило насторожиться из-за этого. Воспринять как тревожный звоночек. Потому что все прекрасно знали – после сальто наступает падение.

– Проклятье, Колтон, меня это не волнует. Мы порвем его задницу исками быстрее, чем он успеет добежать до туалета после посещения ресторана со шведским столом на Бродвее, просто чтобы убедиться, что он не сможет купить акции до дальнейшего расследования. Я ясно выразился? Колтон? Колтон! Черт побери.

Вот дерьмо.

Его голос донесся до моих ушей на секунду позже, чем следовало. И у меня не осталось времени, чтобы выпрыгнуть из лифта до того, как он протянул руку вперед – ту, в которой сжимал телефон, – чтобы не дать дверям закрыться.

Дин шагнул в лифт в темно-синем костюме тройке и с дерзкой улыбкой на лице. Затем вновь прижал телефон к уху и ослабил свой шелковый темно-бордовый

галстук.

– ЛеБлан, – соблазнительно прошептал он через пару секунд, когда закончил разговор.

Но я проигнорировала его, не отводя взгляда с цифр над головой.

Дин прижался всем телом ко мне сзади, а его губы коснулись моего уха.

– Твои соски всегда напрягаются, когда кто-то находится с тобой в лифте, или твое тело так реагирует только на меня?

Двойное дерьмо.

Я перевела взгляд на свой черный топ с логотипом группы Misfits, с ужасом вспоминая, что утром под него надела лишь тонкий бюстгальтер.

– Я шучу, но как же приятно осознавать, что это вызывает у тебя беспокойство, – Дин насмешливо усмехнулся.

Придурок.

– Чего тебе надо? – застонала я.

– Тебя, в моей постели. Ты можешь поиграть с моими яйцами, а я буду целовать твои соски, пока они не покроются засосами. Еще можешь подрочить мне в качестве закуски. Потому что основное блюдо окажется намного лучше, но тебе придется убедиться в этом самой.

Тройное дерьмо. Теперь у меня намокли трусики.

Лифт звякнул. И я выскочила, рывком открыла двери, бросила ключи в чашку, которую мама сделала на уроке гончарного мастерства – она пыталась смастерить фигурку в египетском стиле, но та больше походила на плачущую обезьяну, – и скинула шлепки, которые с глухим стуком улетели в стену. Прошагав босиком до кухни, я открыла холодильник, схватила апельсиновый сок, после чего сделала два больших глотка прямо из коробки. И, только

вытерев рот предплечьем, поняла, что Дин находился со мной на кухне и смотрел на меня самыми ярко-зелеными глазами, которые я видела за всю жизнь.

– Мы так и не обсудили арендную плату. – Он поцокал. – Но не торопись устраивать истерику, а сначала выслушай меня. У меня есть хорошее предложение.

– Просто назови мне цену. Все твои предложения приведут к искам о сексуальных домогательствах.

Дин усмехнулся, но тут зазвонил его телефон. Он посмотрел на экран и нахмурился, а его ноздри раздулись. Но он проигнорировал вызов и вновь встретился со мной взглядом.

– Нельзя назвать домогательством, когда ты явно в игре.

Я подошла к раковине и принялась мыть руки, чтобы выиграть время для ответа.

– Пора собирать вещи в Тодос-Сантос, Козявочка Розы.

Услышав из его уст прозвище, которым меня звал папа, я содрогнулась.

– С чего бы? Мой рейс в субботу вечером. Так написано на моем билете на самолет.

– Ты воспользуешься другим. И на нем указан рейс в пятницу утром. То есть завтра.

Он прислонился бедром к раковине, а его глаза раздевали меня сантиметр за сантиметром. Его телефон замолчал, но экран тут же вспыхнул вновь, информируя о новом звонке. Но Дин проигнорировал и его.

– Я не поеду с тобой.

Он усмехнулся и покачал головой, словно перед ним находилась не я, а очаровательный, глупый щенок.

– Хочешь поспорить?

– Конечно. – Я пожала плечами. – Почему нет. Желательно на деньги. У тебя их не мало.

– Как и всего остального, о чем мы прекрасно знаем.

Он оттолкнулся от раковины и подошел ко мне, замерев там, где я могла почувствовать его запах, не прикасаясь к нему. Не слишком близко, но и недостаточно далеко, отчего по спине пробежала легкая дрожь.

Как же так, почему даже спустя все эти годы он все еще оказывал на меня такое влияние? Вызывал непрошеное чувство, что я не контролирую и не ответственна за то, что могу ему сказать. Или сделать с ним. Дин обошел меня, остановился у меня за спиной и отвел прядь волос с моей шеи, отчего моя кожа покраснела и покрылась мурашками.

– Такие квартиры сдаются за восемь тысяч долларов в месяц, – наклонившись, прошептал он мне на ухо. – А ты платишь мне всего сотню баксов. Неужели вы хотите, чтобы я брал с вас ту же сумму, какую бы запросил с любого другого жителя Нью-Йорка, мисс ЛеБлан?

В его тоне не слышалось и нотки угрозы. Дин «Рукус» Коул разительно отличался от Барона «Вишеса» Спенсера. Он поймает вас с вежливой улыбкой на лице. И в этом он скорее походил на Джокера. В нем сочетались уверенность, дерзость, приятная внешность и деньги, но за этим чувствовалась и доля безумия. И этого оказывалось достаточно, чтобы вы поняли, что он говорил совершенно серьезно.

Дин жил на грани, цenia каждый момент, совершая безрассудные поступки и принимая удар на себя.

Я сглотнула, а сердце забилося так быстро, что едва удерживалось в груди. Меня охватило волнение, вызывая тошноту и возрождая забытые желания. Я всегда старалась держаться подальше от Дина Коула. Я была Красной Шапочкой, которой хватило одного брошенного взгляда на серого волка, чтобы сказать: «Проклятье! Это не стоит такой боли», – а затем развернуться и

убежать сломя голову в другую сторону.

Если подумать, то Дин сам преподавал мне этот урок.

Даррен подходил мне намного больше. Красивый, но застенчивый и сдержанный мужчина. Интерн, с которым я познакомилась, когда он заглянул в «Черную дыру», чтобы выпить травяной чай. Но оказавшись так близко к Дину, я не знала, как совладать с собой. Руки, казалось, прилипли к телу. Они ощущались тяжелыми и чужими. Но я знала, что поможет избавиться от этого чувства. Прикосновение к Дину. Вот только я не собиралась пользоваться этим способом.

– Собирай. Свой. Чертов. Чемодан. – Его голос звучал твердо, и, если мне не показалось, это не единственное, что в нем стало твердым. – Если Вишесу придется лететь сюда за тобой, я окажусь по уши в дерьме. Видишь ли, малышка ЛеБлан, мне нравится жизнь без сложностей. Без лишних проблем. – Он накрутил одну из моих прядей на палец, и я не сомневалась, что в его глазах сейчас читалось вожделение.

От этого легкого прикосновения от головы по позвоночнику, словно электрический разряд, пробежали мурашки.

Что, черт побери, происходит и почему я позволяю это?

– А это означает «нет» отношениям, сомнительным деловым партнерам и недружелюбным соседям, – подчеркнул он. – А ты сейчас все усложняешь. И знаешь, если мне придется выбирать кого разозлить, тебя или этого ублюдка, то можешь не сомневаться в моем решении.

– Как же я тебя ненавижу, – выдохнула я с хрипом, которым легкие напомнили мне, что необходимо успокоить сердцебиение.

Когда я оказывалась так близко к Дину, то чувствовала себя так, словно летела вниз с самого крутого виража американских горок. Он прижался ко мне всем телом, и я почувствовала его улыбку на своей коже, чуть ниже уха. В том самом чувствительном месте, которое находится между либидо и душой.

– Вишес утверждает, что секс с объектом ненависти просто невероятен. Не хочешь проверить?

– Просто умираю от желания, – сделав шаг в сторону и разорвав наш физический контакт, парировала я.

Впрочем, сопротивляться ему не имело смысла. Я не сомневалась, что он выполнит свою угрозу, и прекрасно понимала, что не могла его остановить. Как и то, что была не права. Что мне следовало просто принять этот чертов билет.

Что-то темное промелькнуло на его лице. Что-то, что всегда скрывалось в нем, и что, казалось, замечала только я.

– Запомни на чем мы остановились. – Он показал на меня рукой, в которой удерживал телефон, а затем провел пальцем по экрану. – Вернусь через секунду.

Наконец-то. Ему звонили уже третий раз.

Дин быстро скрылся в коридоре. А я продолжала стоять на месте, не зная, что делать.

– Здравствуйте, мисс Голддиггер, что еще вам от меня надо? Когда мы общались в последний раз, я просил, черт возьми, не звонить мне больше. Так что же изменилось? – Он замолчал на мгновение, а затем продолжил: – Но в том-то и дело, моя дорогая Нина. Ты не можешь щелкнуть пальцами и заставить меня приползти обратно, чтобы спасти тебя. Ты сама вырыла себе яму. Так будь добра сама в нее и лезть. Это не моя война. Не мое сражение. Не. Мои. Гребаные. Проблемы. – Его голос сочился грубостью.

На самом деле в нем слышалось столько сердитых и злых нот, совершенно не присущих Дину, что я невольно поморщилась, когда услышала его. Он вызывал во мне незнакомое чувство, которое я никогда не соотносила с Рукусом. Страх. Дин никогда не злился и не нервничал. Он создавал впечатление самого спокойного среди четырех Грешников. Его редко что могло задеть – и уж тем более по-настоящему вывести из себя, – и, кажется, я никогда не слышала, чтобы он повышал голос за пределами футбольного поля. Даже когда он кричал на Колтона пару минут назад, в его голосе слышалась насмешка. Веселье.

Я прижала ухо к стене, беззастенчиво подслушивая разговор.

– Я не поеду в Бирмингем.

Бирмингем? Тот, что в штате Алабама? Я всегда считала, что довольно хорошо знала Дина. Но, очевидно, в его шкафу хранилось скелетов больше, чем у какого-нибудь серийного убийцы.

– Я не понимаю, какого черта вообще тебя сейчас слушаю. Твое предложение в лучшем случае оскорбительно, а в худшем – совершенно безумно. У тебя были годы, чтобы все исправить. Годы, чтобы позволить мне увидеть его. А сейчас поезд ушел. Меня это не интересует. Я не шучу, Нина, удали мой номер телефона. Сэкономь нам обоим время и деньги.

Дин закончил разговор и вздохнул так, словно у него бездонные легкие. А через мгновение внезапно ударил по разделяющей нас стене, отчего у меня в ухе тут же зазвенело. Я без сомнений заслужила это. И посчитала сигналом убраться подальше. Поэтому развернулась и обошла кухонный островок.

Но найти себе занятие на кухне оказалось тяжело еще и потому, что я чувствовала гнев Дина, который просачивался из коридора. Я открыла холодильник и достала овощи, а затем взяла нож. И сопя начала резать салат. Краем глаза я заметила, как Дин вернулся на кухню, сжимая телефон мертвой хваткой в кулаке. Увидев меня, он слегка удивился, словно и позабыл, что я находилась здесь, но затем расслабился и на его лице вновь появилась дерзкая улыбка, словно он надел маску, за которой скрыл свои эмоции. Ослабив галстук еще сильнее, он направился ко мне.

– Секс на одну ночь принес сложности? – спросила я, нарезаю огурцы кубиками.

– Даже не спрашивай, – взъерошивая свои непослушные и восхитительные волосы, пробормотал он. – На чем мы остановились?

– На том, как ты шантажировал меня.

– Ах да. Верно. В пятницу утром. Собери одежду. Упакуй чемодан. И попридержи свой темперамент. Хотя последнее не обязательно. Мне нравится твой

темперамент. И я знаю идеальное место, где ты можешь себя проявить. – Он подмигнул, словно мне требовалось подтверждение, а затем добавил: – В моей гребаной кровати.

Глава 4

Дин

Что такое двадцать тысяч долларов?

Это много? Или вполне разумная сумма? Или она настолько мала, что ее можно и не заметить? Все зависит от того, кому задать этот вопрос. Я бы сказал, что двадцать тысяч долларов – это мелочь на карманные расходы. И они никак не повлияют на мою жизнь. Вот только большинство людей ошибается, считая, будто мне следует благодарить за это родителей. Они думают, что я живу на деньги из трастового фонда, и у меня никогда не возникало желания их переубеждать. Ведь кого это, черт побери, волнует?

Но на самом деле родители лишь оплатили мою учебу в Гарвардском университете, а затем выделили деньги для первоначального капитала в «Чемпионс Бизнес Холдингс» – компании, которую мы основали вместе с Трентом, Джейми и Вишесом, моими лучшими друзьями, – и, конечно, помогали мне в интеллектуальном и духовном плане. Чертовски много. Но то, что на моем счету значилась сумма намного больше, чем я смогу потратить в свои двадцать девять лет? За это все мне следует благодарить лишь самого себя.

Себя и свою сообразительность.

Себя и свое умение убеждать. Себя и свою любовь к цифрам.

Поэтому, безусловно, не недостаток средств стал причиной того, что мне так чертовски не хотелось нажимать на кнопку «Подтвердить» и переводить ей двадцать тысяч долларов.

Я просто не хотел, чтобы Нина их получила. Не хотел, чтобы она была счастлива. Хотелось ли мне, чтобы она пала духом? Хотелось ли, чтобы она и дальше побиравалась, едва сводила концы с концами и мучилась? Хотелось ли мне отомстить ей за то, что она вела себя как мерзкая сука со мной?

И если ответ на эти вопросы «да», то делало ли это меня плохим человеком? На мой взгляд, нет. Конечно, я совершил ошибку. Хотелось бы мне когда-нибудь, чтобы моя дочь встречалась с кем-то вроде меня? Нет, черт возьми. Я чувствовал себя подобным за версту. Но при этом не считал себя плохим человеком. Я видел по-настоящему плохих людей. Вырос с Вишесом – ставшим по-настоящему плохим человеком. Но я был сделан из другого теста. Я помогал пожилым людям переходить дорогу и донести сумки с продуктами до их «Бьюик-Люцерна», даже если опаздывал на важную встречу. Никогда не давал ложных надежд своим любовницам на одну ночь. Всегда вежливо вел себя – и не только с партнерами по бизнесу, но и с малознакомыми людьми. Ходил на голосования, всегда включал поворотник, никогда нарочно не обижал людей и вот уже пять лет спонсирую ребенка в Африке. Мы даже время от времени пишем друг другу письма. (Мы с Канембири считаем, что Скарлетт Йоханссон невероятно сексуальна, а футбольный клуб «Манчестер Юнайтед» настоящий отстой. Потому что в некоторых вещах солидарны даже на разных континентах.)

Так можно ли с уверенностью сказать, что я был плохим человеком? Нет. Это не так.

Я чертовски любил людей. А трахаться с ними еще больше. Меня считали самым общительным и коммуникабельным среди друзей. Вот почему эта ситуация меня не отпускала.

И я уже двадцать минут смотрел на экран своего MacBook. Мой указательный палец завис над экраном. «Проклятье, просто сделай это, – начал молить я своего внутреннего придурка. – Какое тебе, черт возьми, дело до нее? Ты не обеднеешь. А она не станет богатой. Она всегда будет несчастной».

Тихий стук в дверь вырвал меня из собственных мыслей. А через мгновение без разрешения в кабинет вошла Сью. Конечно, она постучала, но скорее по привычке, чем из уважения. Моя помощница вела себя грубо, злопамятно и не скрывала своего пренебрежения при каждом удобном случае, с тех пор как застукала меня трахающимся с какой-то цыпочкой в лос-анджелесском филиале «Чемпионс Бизнес Холдингс». И Сью совершенно не волновало, насколько

короткой и случайной была наша интрижка. Совершил ли я ошибку, переспав с собственной помощницей? Возможно. Предупреждал ли я ее, что меня проще уговорить стать последователем саентологии, чем заставить завязать отношения с кем-либо? Да. Я делал это по несколько раз, прежде чем прикоснуться к кому-то. И она ответила, что прекрасно понимает это и сама придерживается тех же принципов? Могу поспорить на свою задницу, что именно так Сью и сказала. Но все это перестало иметь значение, когда я вбивался в болтушку-актрису из Лос-Феликса, которая застонала и выкрикнула мое имя так громко, что охрана чуть не ворвалась в мой кабинет, чтобы проверить, все ли с ней в порядке.

Прошел почти год с тех пор, как Сью «поймала» меня на моей «измене», и с каждым месяцем становилось все хуже и хуже. Любая другая цыпочка давно бы вылетела из моего роскошного офиса на Манхэттене, но нас со Сью связывал особый контракт, который я написал сам (да-да, и это без юридического образования) в очень специфической ситуации, пока мой член находился глубоко в ее глотке. Так что я не мог ее уволить. А она, по непонятной мне причине, не хотела увольняться.

Я хорошо платил и не заставлял проводить на работе время больше положенного в любой другой финансовой компании в центре Манхэттена, но она не давала мне вздохнуть свободно. И сейчас, как и всегда, ворвалась в мой офис в юбке-карандаш, на высоких каблуках, с обесцвеченной челкой, безупречно уложенной набок, и кислым лицом. Мне повезло, что мой кабинет из стекла, за исключением черной деревянной двери. Я всегда опасался, что она попытается отрезать мне яйца и засунуть мне в глотку.

– Доброе утро, мистер Коул.

Ее алые губы едва шевелились, когда она провела пальцем по своему iPad, пристально глядя на него. Я закрыл вкладку с банковским счетом, но не отпускал мысль о переводе денег своему заклятому врагу. Она могла подождать. Ведь и сама заставляет меня ждать. Уже много лет.

– Сью, – сказал я, откидываясь назад и переплетая пальцы.

Я отказывался играть в гребаные игры и называть ее по фамилии – мисс Пирсон, – потому что общался непосредственно и непринужденно со своими

сотрудниками. Кроме того, мне казалось немного неправильно называть по фамилии ту, в кого вбивался по самые яйца еще год назад.

– Как твои дела? – спросил я.

– Отлично. Как у тебя?

– Еще чуть-чуть и стоило бы переживать, что я взорвусь от счастья.

Моя улыбка не изменилась, но голос стал сухим, как бумага. Действительно ли я испытывал счастье? Или грустил? Или настолько обкурился, что перестал различать эти два чувства? Можно ли быть в этом уверенным, черт побери? Но я точно знал, что мне просто необходимо выпить пару стаканчиков, как и всегда после разговора с Ниной.

Сью остановилась посреди комнаты и слегка подалась в сторону моего стеклянного стола, моего представительского черного кресла и старинной карты мира, нарисованной во всю стену у меня за спиной.

Ничем не выделяющийся.

Расточительный.

Богатый.

Вот что я показывал всем.

И этот офис стал такой же оболочкой, как и моя внешность.

Этот офис никак не отражал меня. Так же. Как. Моя. Внешность.

– Хорошо... – она замолчала, а затем фыркнула и принялась водить сверхмодным стилусом по сверхмодному iPad. Эта цыпочка не использовала обычные вещи. – Я забронировала тебе столик в клубе «Завтрак» на полдень для встречи с Синтией Холлифилд. В два назначен разговор по Skype с мистером Рексротом, мистером Спенсером и мистером Фоллоухиллом. Ближе к вечеру будут готовы твои вещи после химчистки. Их доставят сразу домой.

Она тараторила без остановки, пока я листал отчет для клиента, с которым собирался встретиться сегодня. Но тут она резко вскинула голову.

– Я получила твоё письмо о бронировании дополнительного билета в Тодос-Сантос для Розы ЛеБлан. Она действительно полетит с тобой завтра утром первым классом?

Сью выгнула выщипанную бровь, как бы спрашивая: «Ты трахаешь её?» Я же уставился на неё в ответ и два раза медленно моргнул, как бы отвечая: «Это не твоё гребаное дело».

– Да, – подтвердил я, уставившись на следующий отчет, теперь уже о слиянии, но на самом деле не читая его.

В повисшей тишине слышался гул кондиционера. Клаксоны таксистов, расположившихся сорока шестью этажами ниже. Ритмичные щелчки клавиатур из разных кабинок на этаже. Сью сверлила меня взглядом, не осознавая, насколько безуспешна эта битва. Она никогда не смогла бы прочитать меня. Только у меня хранился ключ к собственным чувствам. И я не собирался раскрываться перед остальным миром.

– Хорошо.

Она переступила с ноги на ногу. Затем засунула iPad под мышку, развернулась и направилась к двери. Я провожал взглядом её крошечную попку, которая двигалась в ритме её остроконечных шпилек от Louboutin, подозревая, что Сью это так просто не оставит. Она знала, что Роза – младшая сестра Эмили ЛеБлан, но никогда не встречалась с моей соседкой размером с фею. А ещё Сью прекрасно понимала, что я не из тех, кто будет нянчиться с чьими-то братьями и сестрами, если не заинтересован в этом сам. Да и мисс ЛеБлан вполне способна сама притащиться в аэропорт, из-за чего Сью могла прийти только к одному выводу: я хотел заполучить Розу. И намного сильнее, чем когда-либо хотел Сью Пирсон.

Что ж, мне не впервой портить чей-то особый день из-за киски.

Я частенько приводил своих подружек в самое неподходящее время. Сью знала, что в Чикаго я притащил едва знакомую цыпочку в больницу, чтобы поздравить Трента с рождением дочери Луны. А когда Джейми Фоллоухилл – еще один из моих лучших друзей – женился на нашей бывшей учительнице литературы Мелоди Грин, я заявился на свадьбу с двумя незнакомками, которых подобрал по дороге из бара. А на вечеринку по случаю выхода на пенсию отца, после которой он вновь вышел на работу и снова стал пропадать там с утра до вечера, я пришел с одной из своих практиканток. Так что мое путешествие с женщиной не казалось чем-то необычным. Но Сью понимала, что я уезжал больше чем на неделю. А разве мне свойственно проводить девять дней с одной и той же женщиной? Нет, это определенно происходило впервые.

Вот только Сью не знала, что мы с Розы не будем проводить время под одной крышей.

Как и не знала, что Розы ненавидит меня до глубины души, имея для этого вескую причину. Каждый раз, когда малышка ЛеБлан встречалась со мной, то видела перед собой весельчака-балагура; наркомана, который добился чего-то в жизни лишь потому, что носил фамилию Коул, а его отцом был известный адвокат. К тому же Коулы пожертвовали Гарварду невероятную сумму денег, которых бы хватило, чтобы прокормить половину населения Африки, поэтому мое будущее оказалось предопределено еще до того, как я научился писать слово «избалованный».

Сью не знала, что Розы ЛеБлан оказалась единственной женщиной в моей жизни, которая не желала уделить мне даже минутки, и по иронии судьбы Розы ЛеБлан оставалась единственной женщиной, чьим временем мне хотелось завладеть полностью.

Сью не знала ничего из этого, потому что я тщательно охранял свою личную жизнь от окружающих.

Не дойдя до двери, она остановилась и обернулась. Уставилась на меня из-под – как я предполагаю – накладных ресниц и вдохнула, втянув щеки.

А затем сделала нечто странное: вдохнула еще раз.

– Мистер Коул, вам что-нибудь еще понадобится от меня сегодня? Я не очень хорошо себя чувствую.

– Нет, на этом все, – ответил я. – Возьми отгул на остаток дня. И отдохни. Ты это заслужила.

Она кивнула.

Я кивнул.

Да, я не такой уж ужасный человек, поэтому и позволил своей помощнице бросить меня, чтобы преподать какой-то бессмысленный урок.

Снова включил свой MacBook и завершил перевод, отправив ей двадцать тысяч долларов.

Это должно было помочь мне почувствовать себя лучше.

Но не помогло.

Следующее утро стало повторением воскресенья, когда малышка ЛеБлан пришла ко мне, одевшись так, чтобы произвести впечатление (по ее мнению). То есть я проснулся в кровати с незнакомкой с адским похмельем, которое решил побороть сигаретой, выкуренной на террасе, и бокалом «Кровавой Мэри». Хотя мой коктейль получился не таким уж невинным, а скорее водкой с каплей сока. Я вообще предпочитал обходить стороной все, что можно было назвать «невинным». А последняя невинность, с которой я имел дело, сначала сбежала от меня, а сейчас выходит замуж за моего лучшего друга.

Но не стоило отвлекаться.

Возможно, остановиться у круглосуточного магазина по дороге в аэропорт Кеннеди в шесть утра и взять бутылку «какого-то пойла» и опустошить ее до того, как бедный таксист высадил меня в пункте назначения, оказалось не самой лучшей идеей.

Я осознавал, насколько глупо поступаю, но не удержался от выпивки и дури перед посадкой в самолет.

«Да пошла ты, Нина, – бормотал я всю дорогу до аэропорта Кеннеди, словно какую-то гребаную мантру из йоги. – Да пошла ты. Пошла ты. Пошла ты».

Плеться к терминалу, я надеялся, что чертова малышка ЛеБлан все же решила воспользоваться билетом и такси, которое за ней отправил, и уже в самолете. К тому же преимущество было на моей стороне. Я угрожал ей, а Роза даже не догадывалась, что у меня никогда не хватит духа поднять ей арендную плату даже на пенни. Она давно завладела моими чувствами, и, казалось, чем сильнее малышка ЛеБлан ненавидела меня, тем сильнее мне хотелось доказать, что у нас есть будущее. Что если я и верил в эту чушь о двух половинках, которые созданы друг для друга, то лишь потому, что она была такой для меня.

Я опоздал, и в результате рейс задержали. Маленькая мисс Капризуля не отвечала на мои звонки, отчего меня не покидало чувство, как вокруг моей шеи затягивается веревка. Мне хотелось поскорее добраться до Тодос-Сантоса, передать Роза в руки ее сестры и рухнуть на свою кровать, в которой спал в детстве. Где-то в глубине души мне хотелось большего. Перестать пить и дымить, как чертова труба. Избавиться от всего дерьма, которое периодически рикошетом возвращалось ко мне. Пригласить Роза на свидание вместо того, чтобы звать покувыркаться в моей кровати, потому что эти постельные намеки стали моим защитным механизмом на случай, если она скажет «нет».

Потому что никто и никогда не говорил мне «нет».

Никто, кроме нее. И раз уж она мне отказывала, я посчитал, что вполне могу предложить ей свой член вместо сердца.

Я даже с трудом запомнил, как стюардесса показывала мне дорогу, после чего моя голова ударилась о подголовник, и меня пронзила острая боль, вызвавшая шальную мысль, что мой мозг взорвался. Я поморщился, потер лоб, а затем услышал ее напряженный, прерываемый вздохами голос. Сначала мне показалось, что она читает мне нотации за опоздание, задержку рейса и за то, что вообще, черт побери, дышу. Но через мгновение мой практически отключившийся мозг расшифровал ее слова и их значение.

– Держи. Две таблетки обезболивающего и вода. – Она положила мне что-то в ладонь. – Я попрошу у стюардессы немного молока после того, как мы взлетим. И ты выпьешь его, пока мы летим домой, а когда приземлимся, я позабочусь, чтобы каждая женщина, которую ты встретишь, знала, что твой член заразнее общественного туалета в метро.

Я открыл глаза и, повернув к ней голову на мягком сиденье, скользнул взглядом по ее лицу.

– Тебе не кажется, что ты проявляешь слишком большой интерес к моему члену, малышка ЛеБлан? Сначала ты собиралась залить его воском, теперь не даешь вытащить его из штанов. Может, тебе стоит встретиться с ним лично и пообщаться. Мне кажется, вы поладите и станете отличными друзьями.

– Нет, спасибо, я скорее съем чью-нибудь блевотину. Причем в буквальном смысле.

– Серьезно? Почему-то я в этом сомневаюсь. Только если ты не предпочитаешь питаться блевотиной.

Рози всегда вела себя со мной как стерва. И я не осуждал ее, да и не верил, что это не показное. Но сейчас эмоции, отражающиеся на ее лице, казались настоящими и искренними. А она сама, чего скрывать, чертовски великолепной. Щеки цвета спелых персиков. Веснушки, усеявшие маленький носик. Огромные глаза цвета голубой лазури, смотревшие на меня. Волосы как минимум двухсот различных оттенков от пшеничного до каштанового, которыми ее одарила матушка природа. Она выглядела как живое воплощение нимфы. И по ее цветущему виду вряд ли бы кто сказал, что она больна.

Я со стоном закинул таблетки в рот, запил их водой, радуя свое пересохшее горло, а затем вытер губы под мерный гул самолета, набравшего скорость для взлета.

– Тебе нужна помощь? – спокойно спросила она.

Рози говорила о проблемах с алкоголем. И наркотиками. Про тот беспорядок, которым изобиловала моя жизнь. Я проживал каждый день как законченный, ходящий по грани алкоголик, который курил так, словно нахождение под

кайфом стало олимпийским видом спорта. Но никто не жаловался, пока я заключал сделки, получал прибыль и трахался, как чемпион.

– Вообще-то, да. Не трогай меня до самого Сан-Диего. Как думаешь, у тебя получится?

Черт, какой же я все-таки придурок.

Последнее, что я запомнил перед тем, как отключиться, оказалась грудь Розы, которая нервно поднималась и опускалась в такт ее неровному дыханию.

– Да пожалуйста, – прошептала она. – Но я отстану от тебя лишь потому, что мне кажется, твоя неделя прошла чертовски дерьмово. Но если ты вдруг захочешь поговорить, я всегда готова тебя выслушать.

Мне хотелось рассказать ей все. И в то же время не хотелось, чтобы она что-то знала о дерьме, творящемся в моей жизни.

Она сбивала меня с толку, и прямо сейчас все усложняла, а именно сейчас мне хотелось выбрать легкий путь. Я закрыл глаза и попытался заснуть. А когда меня поглотила темнота, появилась она.

Нина.

Глава 5

Рози

Одиннадцать лет назад

Что помогает тебе почувствовать себя живой?

Рассматривать свое отражение в прохладной, спокойной воде бассейна. Голубоватой, прозрачной до самого дна. Зовущей погрузиться в более тихое место, не замочив и пальца.

ОПАСНЕЙШАЯ ХИМИЯ.

Вот что стало нашей главной проблемой.

И именно поэтому я поклялась не появляться дома в то время, когда к сестре приходил Дин. Но это не составляло труда. Милли была человеком привычки. В ее комнате все стояло на своих местах, а все записи в тетрадях она делала чуть ли не каллиграфическим почерком, за что и получала отлично. Так что меня не удивило, когда она выделила определенное время для встреч со своим идеальным парнем. По вторникам и четвергам они встречались после школы – потому что в другие дни у Дина проходили утренние тренировки, – а выходные они проводили подальше от особняка Спенсеров, потому что Милли с Вишесом друг друга терпеть не могли.

Но не думайте, что я валялась в своей кровати, слушая мужененавистнические песни Миранды Ламберт и плача навзрыд. Нет, я стала троечницей-хулиганкой, обожающей острые ощущения. Поэтому мы с друзьями всегда находили себе занятия после школы. За это время я успела проколоть пупок, случайно устроиться на работу, скопить денег на новый велосипед и покататься с друзьями нагишом в океане на пустынном пляже, если позволяла погода. А она всегда позволяла, ведь мы жили в Южной Калифорнии.

Так что за ту осень я многое успела. Но стоило признать, что ничего из этого не сравнилось бы с горячим, словно ад, парнем моей сестры.

Но признаюсь, что, находясь с ними под одной крышей, как сейчас, мне хотелось спрятаться подальше или раствориться в пространстве, превратившись в пустое место. Потому что я слышала звуки, которые они издавали. И я ненавидела эти звуки. Самые ужаснейшие из звуков.

Тяжелое дыхание, вздохи, хихиканье и громкие, беспорядочные поцелуи. И то, что я слышала их через закрытую дверь в комнату Милли, только увеличивало жгучую дыру у меня в груди. Несмотря на мои недостатки, я всегда считала себя

благоразумной девушкой. И не страдала мазохизмом. Поэтому старалась не появляться в доме, когда там находился Дин.

И если бы меня попросили точно определить момент, который подтолкнул меня к этому решению – держаться подальше от Дина Коула, даже если с нами в комнате находилась Милли, – я бы выбрала случай, произошедший в бассейне.

В тот четверг Милли опаздывала из школы. Ей пришлось свернуть на заправку, чтобы подкачать шины на велосипеде. А я как раз собиралась уходить из дома для прислуги, в котором мы жили на территории особняка Спенсеров. И тут, прям как в каком-нибудь фильме, я открываю дверь и вижу перед собой Дина с поднятой для стука рукой. Наши взгляды встретились, и мне пришлось стиснуть зубы, чтобы удержать улыбку, которая грозила разорвать мое лицо надвое.

Дин выглядел искушающе. И не только потому, что он выглядел сногшибательно в университетской куртке ярко-синего цвета и с непристойным взглядом, от которого плавятся трусики. От него слегка пахло стиральным порошком и просто разило сексуальностью, а его внушительный рост и телосложение лишали меня здравомыслия. И могла поклясться, половину того времени, что я проводила рядом с ним, мое безрассудное желание принадлежать ему ощущалось в воздухе, как зловоние.

– Привет, – мой чертов голос дрогнул.

– И тебе того же, – ответил он.

Наши взгляды блуждали по телам друг друга. Конечно, этого не стоило делать, но это случилось не впервые. И всегда вызывало у меня чувство вины. Если бы его взгляд заменили пальцы, то он сейчас обхватил бы меня за талию, сразу после того, как стянул бы капюшон моей черной толстовки с логотипом группы Dead Kennedys, чтобы лучше видеть мое лицо. А я бы вцепилась в его идеальные осветленные солнцем каштановые волосы, а наши тела склеились бы, как две страницы в новой книге.

– Милли еще не пришла, но ты можешь подождать ее. – Я отступила в сторону и открыла дверь шире. – Она должна вернуться с минуты на минуту, а мне пора идти.

– Куда собралась? – уперев руку в дверной косяк и преградив мне выход, спросил он.

– Подожди-ка, неужели меня не известили? – Я скрестила руки на груди. – Когда это стало тебя волновать?

– Наверное, письмо затерялось на почте. – Он шагнул ко мне, вынуждая отступить на шаг и, боже, я так сильно возбудилась, что даже не могла посмотреть ему в глаза. Благо я в принципе едва доставала ему до плеча. – Потому что меня волнует все, что касается тебя. – Уже от этих слов сердце подскочило к горлу, не давая возможности вздохнуть, но он не остановился на этом. – И, думаю, мы оба знаем, что не стоит притворяться, что я не слежу за твоими делами.

Я натянула капюшон поглубже, чтобы прикрыть пылающее лицо.

Он воплощал в себе слово «дерзость». И все клише о шумном задире, которые ходили о Грешниках в Школе Всех Святых. Их прихвостни и подхалимы велись на это дерьмо и старались им подражать. Возможно, и мне следовало вступить в их ряды, но меня никогда не интересовала власть и показная «взрослость», которая окружала Хулиганов. На самом деле Дин привлек мое внимание в том числе и потому, что не пытался вести себя слишком серьезно и не выглядел угрюмым и напыщенным придурком, как остальные. А с тех пор как он начал встречаться с Милли – что произошло не так давно, – он всегда старался хоть немного поговорить со мной. Поначалу Дин заверял меня, что у них только платонические отношения. А когда я заявила, что это странно для парочки, он разозлился. Поэтому теперь все совершенно изменилось – он целовал ее так, что, боже, я слышала их даже сквозь стенку, – но при этом продолжал смотреть на меня. Он всегда смотрел на меня.

– Я, э-э...

Я потеряла мысль, а заржавевшие колесики у меня в голове крутились с трудом и не давали придумать правдоподобную ложь. На самом деле у меня действительно были дела. Но обычно я не делилась этим с людьми, а тем более одноклассниками или парнем, в которого влюбилась по самые уши. Вот только Дин не отступил бы, пока не узнал правды. Поэтому я не стала ничего придумывать.

– У меня назначена встреча с врачом.

Я все же рискнула взглянуть на его лицо и увидела там лишь понимание и невозмутимость.

Он засунул руки в карманы.

– Что-то случилось?

Да. Всю мою жизнь что-то случается.

– Нет, все нормально. – Я заправила прядь волос под капюшон. – Просто иногда мне надо...

«Заткнись, черт побери», – оборвал меня внутренний голос. Мне никогда не нравилось чувствовать себя маленькой и уязвимой.

– Надо...

Он опустил подбородок, подбадривая меня продолжить. Ну почему жизнь так несправедлива и связывает двух людей вместе необъяснимой химией? Потому что именно так я себя и чувствовала сейчас. Прикованной к нему. А он при этом смотрел на меня так, будто я стала для него центром мира. И это возбуждало меня. Лестило мне. Боже, следовало сказать ему что-то как можно быстрее, чтобы он заткнулся и оставил меня в покое. Неважно что именно, главное, не настолько смущающее, как правда.

– Надо сделать массаж груди. – Мне требовалось выгнать слизь из дыхательных путей, но я бы никогда не призналась в этом Дину. Поэтому изогнула бровь и, засунув руки в карманы, сжала их в кулаки. – Ну, чтобы выглядеть более сексуальной, понимаешь?

Мои глаза надежно скрывал капюшон толстовки, но этого казалось недостаточно. Рядом с ним все казалось недостаточно. И даже под тремя слоями одежды я чувствовала себя голой.

Мне требовался массаж каждую неделю. Иногда я ходила для этого в клинику. Иногда медсестра приходила ко мне домой. И хотя Милли ничего не рассказывала своему парню о моей болезни, я понимала, что рано или поздно он узнает обо всем.

Протиснувшись мимо Дина, я направилась к главным воротам поместья. Напрямик к нему вела выложенная плитняком дорожка, но мне нравилось ходить длинным путем, через огромный бассейн Вишеса и зеленую, как глаза Дина, лужайку. Мне нравилось ходить по краю. Чувствовать себя живой.

За спиной раздались торопливые шаги. И даже не оглядываясь я знала, что на его лице расплылась улыбка, которая так бесила меня.

– Массаж груди? – в его голосе звучали озорные нотки. – Многие парни с удовольствием сделали бы его тебе.

– Спасибо, Дин, за этот жуткий комментарий.

– Но это же правда. Уверен, многие парни хотят потрогать твои сиськи.

– И говорит мне это парень моей сестры. Тебе не кажется, что это неуместно. От слова «совсем».

– Но я же не сказал, что хотел бы сделать его сам. – усмехнулся он, а затем добавил: – На фига тебе вообще понадобился массаж груди? Тебе увеличили грудь или что-то в этом роде?

Я остановилась у глубокого края бассейна и, обернувшись, посмотрела ему прямо в глаза. Мы стояли лицом к лицу. Телом к телу. Но этот интимный момент разрушил холодный ветер, ласково коснувшийся нас. Я отступила на шаг, осознавая, что здесь нас прекрасно видно из спальни Вишеса. А мне не хотелось, чтобы он запасся еще большим количеством колкостей против Милли и стал доводить ее тем, что видел, как я флиртую с ее парнем. Мне хотелось защитить ее, несмотря ни на что.

– Я болею.

Слова сорвались с губ так быстро, что я не успела их остановить. Его глаза потемнели, а на лице отразились недоверие и подозрительность.

– И что это за болезнь? – требовательно спросил он, выглядя растерянно, раздраженно и... уязвимо?

Возможно.

– Муковисцидоз. Это болезнь легких.

– Это лечится? – его голос звучал жестко, вынуждая ответить. А брови нависли над переносицей.

Со стороны, наверное, казалось, будто он обвинял меня в чем-то.

– Нет. – Я почувствовала, как запылали щеки. – Я родилась с ней. И с ней же и умру. Возможно, даже из-за нее. И скорее всего, не доживу до старости. Этот ген я получила от обоих родителей.

– Но Милли не болеет, – все с тем же выражением заявил он.

Неужели он думал, что я вру? Неужели я бы стала врать о подобном, а не придумала бы себе какую-то сверхспособность или IQ как у Эйнштейна. Я усмехнулась этой забавной и привлекательной мысли.

– Ну, сестре повезло, – выпалила я. Ведь действительно так считала. Причем во многих отношениях. – Даже если этот ген есть у обоих родителей, это не означает, что его получают все дети. Считай это русской рулеткой природы. И так уж сложилось, что именно я схлопотала пулю. Вот такой забавный факт. Теперь я могу идти?

Будь на его месте кто-то другой, я бы развернулась и ушла. Просто ушла. Но с Дином «Рукусом» Коулом все не так просто. Мне хотелось растянуть каждую секунду, проведенную с ним наедине. И я бы сама не ответила почему. Находясь рядом с ним, я чувствовала странное томление и трепет, а когда он уходил, начинала ненавидеть себя за каждое сказанное слово, действие или сделанный вдох.

– Розы.

Я почувствовала, как его грубые ладони обхватили мою талию, и вскинула голову, а в следующее мгновение полетела в бассейн. Это произошло так неожиданно для меня, что я не успела подготовиться к падению. И в прямом, и в переносном смысле. Тело ударилось о воду плашмя и так сильно, словно я врезалась в бетон. Гребя руками, я устремилась к поверхности, чтобы глотнуть воздуха. И только после первого отчаянного вдоха поняла, насколько холодной была вода. Стараясь сдержать дрожь, я вытерла лицо от воды и открыла глаза. А в следующее мгновение меня вновь окатило водой. Потому что Дин тоже прыгнул в бассейн.

Сердце заколотилось в груди, словно отбойный молоток. Я чувствовала, как оно бьется о грудную клетку и, пытаясь пробиться наружу, то опускается в желудок, то поднимается к горлу. Бежать. Бежать. Бежать. Дин подплыл ко мне и прижал к кафельной стене безмятежно-голубого цвета. Я тут же набросилась на него с кулаками. Обрушила на него неистовые, наполненные злостью удары. Они совсем не походили на шутливые хлопки, которыми девушки одаривают парней, флиртуя с ними или предупреждая держаться подальше. Нет. Я впиалась ногтями ему в грудь, желая расцарапать до крови.

А из глаз полились слезы.

Это совершенно на меня не походило. Я никогда не плакала перед незнакомыми людьми. Да я вообще плакала только перед родителями или Милли. Но вот сейчас по моему лицу струились горячие, соленые слезы, смешиваясь с холодной, сладковатой водой.

Жизнь несправедлива.

– Что, черт возьми, с тобой творится? – закричала я, продолжая бить его кулаками по груди.

Он снял крутку перед тем, как прыгнуть в бассейн, поэтому сейчас нас разделяли только обтягивающая золотисто-черная футболка и моя промокшая толстовка. От его кожи веяло теплом, несмотря на холодную воду, а мне сейчас хотелось согреться. И он хотел согреть меня. Все его тело говорило об этом. Пело. Кричало с крыши этого чудовищного особняка. Хотя на самом деле мы не

произнесли ни слова, отчего язык наших тел звучал еще громче. «Опасная химия, – звучало предупреждение. – Беги, Роза».

– С твоими легкими все в порядке, – прорычал он мне в лицо и схватив за запястья, сильнее прижал к стене.

Что он творил? Нас мог увидеть Вишес. Черт возьми, нас также могла увидеть Милли. Что бы она подумала, если бы въехала сейчас через ворота? Ее парень и сестра вместе в бассейне. Прижавшись друг к другу так, словно сплелись не только телами, но и душами.

– Ты в порядке, черт подери! – добавил он, замирая в нескольких сантиметрах от моего лица.

Он пытался убедить в этом меня или себя? Да и вообще, какого черта его это волнует?

Я постаралась успокоиться. Мне следовало вразумить этого парня, чтобы он отпустил меня до того, как нас кто-то увидит.

– Дин, – собрав в кулак всю свою невозмутимость, сказала я, а затем высвободила запястья и прижала ладони к его груди.

Он сделал глубокий вдох и закрыл глаза. С его ресниц капала вода, а волосы промокли, отчего он казался еще более восхитительным. Где-то в глубине души я понимала, насколько значимый момент мы разделили. И мне вряд ли доведется почувствовать подобное с другим парнем. Этот кусочек жизни принадлежал только нам, как бы мне этого ни хотелось.

– Роза, – отозвался он.

– Я больна, – повторила я.

– Не говори так. Ты не больна. Ты просто плохо себя чувствуешь.

Я покачала головой, отчего слезы и вода разлетелись в разные стороны.

– Нет, все не так просто. Я умру молодой, Дин. Лет в тридцать. Или в сорок. Или в пятьдесят... если мне повезет.

– Заткнись, – прошипел он сквозь стиснутые зубы.

А затем хлопнул ладонью по стене с такой силой, что я задрожала не только от холода.

– Это бред! – выплюнул он. – Я в это не верю.

Мне следовало избрать новую тактику. И как можно быстрее.

– Послушай, так нельзя, понимаешь? Мы можем стать друзьями, – соврала я, прекрасно понимая, что этого никогда не случится. – Но ты не должен бросать меня в бассейн в самый разгар осени. Во-первых, я действительно больна и легко могу схлопотать пневмонию. Во-вторых, оказаться сброшенной в ледяную воду не так уж весело. К тому же не стоит забывать о Милли. Это несправедливо по отношению к ней. Ты не можешь обращаться со мной так. Словно... Словно...

– И как же? – сверкнув глазами, выпалил он.

«Словно хочешь меня. Ведь так?»

Гормоны взбунтовались. А совесть прожигала изнутри дотла. Каждый волосок на теле встал дыбом. Дин просунул руку между нашими телами и обхватил мое лицо, заставляя поднять голову и посмотреть ему в глаза.

– Так как, черт побери?

Что-то появилось в его глазах. Напряженность, которую я раньше не видела. И это тревожило, а еще заставляло задумываться, понимал ли он сам, что творил? Осознавал ли, что это неправильно? Или, как и меня, это обескураживало его, причиняло боль и злило?

– Словно хочешь меня, – тихо озвучила я свои мысли.

– Но ведь так и есть, – подтвердил он. – Возможно, пришло время сменить девушку? Твоя сестра совершенно не беспокоится из-за меня, малышка ЛеБлан.

Он тоже не беспокоился из-за Милли. Но при этом заботился о ней. Что делало его еще более привлекательным в моих глазах, потому что мы оба заботились о человеке, которого я безумно любила.

Но при этом меня так злило, с каким безразличием они относятся к своим отношениям. Ведь Милли пожирала глазами Вишеса, если он оказывался рядом. А мы с Дином смотрели друг на друга даже с другого конца комнаты. В такие моменты мне хотелось схватить сестру за плечи и встряхнуть ее. Сказать ей, чтобы она наконец собралась с силами и добилась внимания парня, который заставлял ее сердце биться быстрее. Но я понимала, что находилась не в том положении, чтобы указывать ей на это, ведь именно из-за меня родители увезли нас из Фэрфакса в штате Вирджиния в Калифорнию, так как здесь работали более высококвалифицированные врачи. Ведь здесь я обзавелась друзьями и постоянно хожу на тусовки. А она лишилась всего. Поэтому я и позволила ей забрать обоих. И тело Дина и сердце Вишеса.

– Если ты меня не отпустишь, – мои зубы стучали, и не только от волнения, – я подхватчу пневмонию, Дин.

Его имя прозвучало так предупреждающе, что он позволил мне оттолкнуть его и даже отплыл подальше, пока я взбиралась на край бассейна, сражаясь с тяжелой мокрой одеждой, которая тянула вниз.

Я не стала оборачиваться к нему. Испугалась, что он заметит по моему взгляду, что я возбуждена и едва могу связно мыслить. А мое лицо покраснелось, что очень заметно по сравнению с остальным дрожащим, посиневшим телом.

Но краем глаза я заметила, как он подплывает к краю, упирается предплечьями в мокрую плитку и опускает подбородок на сжатые в кулаки руки.

– Проклятье. Нужно остановиться, пока все не зашло еще дальше, – пробормотал он, скорее себе, чем мне.

– Куда уж дальше? – Я сняла толстовку и бросила промокшую ткань на ближайший шезлонг. – Ты и так целуешь и трахаешь мою сестру до

умопомрачения, а при встрече заигрываешь со мной, – дрожащим голосом сказала я.

– Розы, – начал он.

И тут у меня вырвался истеричный смех. «Ну конечно, во всем виновата Розы». Он встречался с моей сестрой. Правда, это я подтолкнула их друг к другу, но это не означало, что мне от этого становилось легче.

– Не вали все на меня. Ты сама сказала мне, чтобы я встречался с Милли. Именно ты, мать твою, назвала наши отношения странными, когда их легко можно было назвать платоническими. Так чего ты сейчас хочешь? Чтобы я начал ее игнорировать?

Как же меня бесило, что он прав. А еще то, что нечто столь логичное вызывало у меня совершенно нелогичные чувства.

– Этому, – я указала на него, а затем на себя, – не бывать. Ты встречаешься с Эмилией, Дин. Мы никогда не сможем быть вместе.

– Кто это сказал? – заспорил он.

– Я. И окружающие нас люди. И здравый смысл. И моральные нормы. И, черт побери, все романтические фильмы и любовные романы, которые мне довелось увидеть или прочитать.

– Хм. – Игривая усмешка вновь появилась на его полных губах. – Что-то не верится.

– А придется, – выпалила я. – У Джульетты не было старшей сестры по имени Джули, с которой Ромео обжимался до того, как решил, что младшая ему подходит больше.

– Джульетта никогда не отказывалась от своих чертовых чувств, – заорал он и ударил кулаками по плитке. – Так с каких это пор ты стала такой слабачкой?

Дин выскочил из бассейна так быстро, что это движение показалось мне размытым.

– С каких это пор тебя волнует, что думают люди? – заорал он мне в лицо. – Не моя вина, что я сначала повстречал ее, а потом тебя. И если ты решила отступить, то я дам шанс нашим отношениям с Милли.

Это прозвучало как угроза.

– А до этого ты что делал? – фыркнула я.

Конечно, я не винила Дина. Когда мы повстречались, Милли решила пойти с ним на свидание, и он не мог отказаться. К тому же он сделал ее жизнь намного лучше. Ее шкафчик больше не набивали обертками от презервативов, а люди не называли ее за глаза: «Белый мусор».

– Ждал тебя, – ответил он.

Заморосил дождь, вбиваясь каплями в наши тела и вынуждая вздрогнуть.

– Что ж. – Я призвала все свои силы, чтобы натянуть милую улыбку и продемонстрировать ему свои зубы и ямочки на щеках. – Теперь тебе ничего не мешает строить отношения с моей сестрой. Как я уже сказала, между нами ничего не будет.

Не прошло и пяти секунд, как у бассейна появилась Милли, катившая свой велосипед. Мы сказали ей, что я упала в бассейн, а Дин прыгнул следом, испугавшись за меня. Во время рассказа у меня горели щеки, ведь глубина была небольшой, а я прекрасно плавала. Но мысли Милли – как и ее сердце – находились где-то в другом месте, и мне показалось, что она ничего бы не заметила, даже если бы застала со спущенными штанами.

В тот день я так и не попала на прием к врачу.

Зато подхватила пневмонию, из-за которой пришлось ехать в неотложку, пропустить два важных экзамена и провести несколько часов в виброжилете[5 - Виброжилет – устройство принудительной вентиляции легких, подсоединенное к

надувному жилету.].

Домой я вернулась лишь в следующий четверг, избежав встречи с Дином и Эмилией. Но зайдя в комнату, обнаружила на подушке записку и книгу. «Медный всадник» в мягкой обложке. Текст записки гласил:

«К черту окружающих. К черту здравый смысл.

К черту моральные нормы.

К черту твою болезнь.

И знаешь, что? Иди к черту и ты.

А еще вот тебе книга о такой же дерьмовой ситуации, как у нас[6 - Речь идет о книге «Медный всадник», написанной Полиной Симонс.].

Почитай.

Дин».

На следующий день я засунула книгу в щель шкафчика Дина и добавила записку:

«Сделай ее счастливой. Но если причинишь боль, я убью тебя. Книги дарят веру в волшебство. А реальность лишь причиняет боль.

Рози».

Мы больше никогда не говорили об этом, пока Милли не сбежала из города. Но я все же купила «Медный всадник». И прочитала роман.

Запомнила его.

Выучила наизусть.

И никогда-никогда не забывала.

Дин

Одиннадцать лет назад

Спустя какое-то время мы с Милли стали вполне обычной парочкой. Правда, чуть позже она умудрилась пустить все коту под хвост.

Я не пытался анализировать свои чувства к ней. Любил ли я ее? Наверное, нет. Но я заботился о ней и наслаждался нашим общением. Правда, мне больше нравилось общаться с ее сестрой. Хотя это происходило все реже и реже, так как малышка ЛеБлан отступила и никогда не говорила об этом напрямую, я знал, что она избегала меня. Она все упростила для нас.

Жаль, что Вишес не поступил так же.

Все прекрасно знали, как он умеет все портить. Так что неудивительно, что ему удалось все разрушить.

Вишес искал возможность отомстить за то, что я встречался с Эмилией ЛеБлан. Но убудок и не предполагал, что я не такой слабак, как его подхалимы. Мы ссорились – и дрались – из-за этого почти каждую неделю, но я понимал, что стоит расстаться с Милли и она останется беззащитной перед ним, а мне не хотелось, чтобы он доставал ее. Вишес издевался, насмехался и измывался над ней. У него было достаточно времени, чтобы позвать ее на свидание. А теперь она стала моей девушкой, и именно Роза толкнула сестру в мои объятия.

И мне хотелось угодить ей даже больше, чем Милли. Что в действительности чертовски плохо.

Но в итоге Вишесу удалось забраться мне под кожу, пробив мои щиты. Они оказались толстыми, но и в них нашлась брешь.

Он поцеловал Розу.

В поместье гремела вечеринка, а мы приходили в себя после того, как чуть не избили друг друга до полусмерти. Что происходило довольно часто. Но в тот день он впервые отплатил мне той же монетой. И поверьте, лучше бы этот счет остался неоплаченным.

Я шел на кухню за бутылкой воды, чтобы запить обезболивающие и снять напряжение. Я чертовски напился, но знал, что следовало проверить Милли. Когда я видел ее в последний раз, она неслась на всех порах в дом прислуги, потому что ее опять чем-то расстроил Вишес.

Я пробирался сквозь толпу потных, блестящих тел, расталкивая их руками. Но оказавшись у холодильника вдруг обнаружил, что в нем не осталось воды. Обвел взглядом огромную кухню, оформленную вишневым деревом, в темных тонах, которая больше подошла бы Букингемскому дворцу. И мой взгляд то и дело натывался на людей. У раковины целовалась парочка. Кухонный остров обступили игроки, распивавшие шоты, и девушки, раскуривающие дурь, которую принес я. Оттолкнув двух пошатывающихся девчонок, я распахнул дверь кладовки, зная, что там хранится вода в бутылках.

Но как только включил свет, тут же застыл на месте.

Потому что увидел, как Вишес навис над Рози, словно мрак, пытающийся поглотить ее целиком. Его губы пожирали ее губы, а она отвечала ему, отчего мне захотелось оттолкнуть их друг от друга и разорвать Вишеса на мелкие кусочки, орган за органом.

Они целовались. Рози закрыла глаза. Но Вишес нет. Увидев меня, он поднял руку и показал средний палец, а в его глазах виднелась насмешка, когда он обхватил ее за талию второй рукой и притянул ближе к себе. Он не испытывал ни капли страсти. Или похоти. В движениях читался холодный расчет. А она заслуживала гораздо большего.

Неужто такого козла, как ты?

– Какого черта тут происходит? – сквозь стиснутые до боли зубы выдавил я, чем явно испугал Рози, так как она вздрогнула и прижала руку к сердцу. – Убери от нее свои руки, пока я их не переломал.

Я почувствовал, как по телу, словно чернила, разливается злость, с каждой секундой захватывая все больше и больше.

Вишес повернул голову, чтобы посмотреть на меня, но так и не убрал руку из волос Розы.

– А ты заставь, – ухмыльнулся он.

Это приглашение меня порадовало. Так что я схватил Вишеса за воротник и, оттащив от Розы, прижал к ящику с мини-бутылками шампанского. Я был больше, сильнее и чертовски зол. Как только его голова ударилась о тяжелый ящик, Вишес попытался оттолкнуть меня. Но я лишь надавил сильнее.

– Дин! – вскрикнула Роза.

Конечно, я осознавал, что она не принадлежала мне. Правда осознавал. Но не принимал этого. Да, я видел ее с парнями. Видел, как они разговаривали в школе и на вечеринках. Но они никогда не заходили слишком далеко. Роза ЛеБлан получила поистине говорящее имя. И окружила себя гребаными шипами. Она поражала своей красотой – возмутительной и невероятно соблазнительной, – поэтому, как и настоящие розы, отрастила маленькие шипы для собственной защиты. Потому что ее хотели заполучить все.

Все, включая тебя, придурок.

– Что ты творишь? – прошипел я в лицо Вишесу.

Десять минут назад он чуть не надрал мне задницу. А сейчас я собирался отделать его. И мы оба прекрасно понимали почему. И хотя ни он, ни я не стали озвучивать причину, это стало совершенно ясно.

В объятиях каждого из нас побывала не та сестра, черт побери.

– То, чего так хочешь ты. – Его глаза сузились, и он облизнул нижнюю губу, все еще припухшую от их поцелуя. – Засовываю свой язык в Розы ЛеБлан. И знаешь, она хороша на вкус. – Он усмехнулся и добродушно хлопнул меня по плечу. – Как фруктовая жвачка, 7UP и девушка, которую тебе никогда не заполучить.

Я швырнул его к другой стене на девятикилограммовый мешок с рисом. Мне хотелось убить его и – без сомнений, – у меня бы даже не дрогнула рука, если бы Роза не схватила меня и не оттолкнула в противоположную сторону, с какой-то невероятной силой.

– Боже. Прекрати. От тебя одни неприятности. Проваливай отсюда.

– Это нелепо, – зарываясь руками в волосы, заорал ей в лицо. – Он тебе даже не нравится!

– Да и плевать. Я могу делать все, что захочу.

– Чего ты действительно хочешь, так это вырвать мое гребаное сердце?

Проклятье. Неужели я сказал это вслух? Это же я причинил ей боль. Почувствовав, как наливаются кровью глаза, я опустил голову. В глубине души радовался, что скоро уеду в колледж. Этот город бурлил от скандальных сплетен и вышедших из-под контроля драм. Так что не особо хотелось находиться здесь, когда гниль и дерьмо хлынут через край.

– Да, – прошептала она со смесью восторга и вины, которые отразились на ее лице.

Судя по виду, она напилась не меньше меня.

– Может, именно этого я и хочу.

– Не думаю, что ты желаешь причинить мне боль. – Я поднял голову, чтобы встретиться с ее пристальным взглядом. – В отличие от Вишеса. А ты оказалась здесь лишь потому, что перебрала с выпивкой. Позволь отвести тебя домой.

– Нет, спасибо, – ответила она и отвернулась.

– Забавно это слышать от тебя, ведь именно тебе самое время собрать свое барахло и убраться ко всем чертям с моей собственности, Коул, – заявил Вишес, а затем затянулся сигаретой.

Сигаретой, который ему дал я. Ублюдок.

– Если ты еще когда-нибудь прикоснешься к ней, я собственными руками отрежу тебе губы, чтобы ты не мог больше никого целовать. Запомни на будущее.

Я пожал плечами и, желая хоть как-то выплеснуть злость, щелкнул выключателем, чтобы они остались в темной кладовке.

Шаг. Еще один. Затем еще один. Путь до входной двери дома Вишеса показался самым долгим в жизни. Внутри все кипело от необходимости что-то сделать. Но, черт побери, не представлял, что именно. Даже расстанься я с Милли, это вряд ли бы что-то изменило. Роза все равно не начала бы встречаться со мной... возможно, она возненавидела бы меня еще сильнее за то, что я бросил ее сестру. А Вишес стал бы доставать Милли еще больше, пока не превратил ее жизнь в сущий ад.

Но в тот момент я еще не подозревал, насколько дерьмово все продолжится. После той вечеринки Вишес целый месяц хвастался, что Роза бежит за ним. И Трент с Джейми ему поверили, а ведь она это делала лишь для того, чтобы уговорить его не рассказывать ничего Милли. Просто она не знала, что он давно это сделал. А я знал. Так как Эмилия сама рассказала мне – со слезами на глазах, вот насколько отстойными были наши отношения, – утверждая, что переживает из-за Розы.

Малышка ЛеБлан не знала, но ее маленькая пьяная выходка в кладовке толкнула меня в бездонную кроличью нору прямо в объятия моих пороков.

В ту ночь я слишком напился, чтобы садиться за руль, поэтому вызвал такси.

Оказавшись дома, дополз до комнаты.

Запер дверь.

Достал бутылку Jack Daniels из ящика прикроватной тумбочки. И сделал то, что так хотел сделать с Вишесом.

Прикончил этого ублюдка.

Глава 6

Дин

Как только мы вышли из аэропорта, я подошел к поджидающему нас такси и открыл багажник, чтобы закинуть наши чемоданы внутрь. К тому моменту я уже достаточно протрезвел. И под «достаточно» я подразумеваю, что мог различать лица, цвета и крупные фигуры. «Достаточно» для встречи с родителями, так что Рози тоже придется смириться с этим дерьмом.

Когда я сел на свое кресло в самолете и увидел, что она сидит рядом, то не мог отвести от нее глаз. Хотя и провел в беспамятстве большую часть полета. Правда, это не имело значения. Малышка ЛеБлан не стала бы разговаривать со мной, даже останься я последним человеком, способным говорить на планете Земля.

Но сейчас она выглядела так, будто собиралась мне высказать многое.

Я захлопнул багажник, прислонился к нему – таксист-придурок сидел в машине и так эмоционально разговаривал со своей женой по телефону, словно участвовал в бродвейском шоу, – и сложил руки на груди, ожидая пока она выплеснет на меня свой сладкий гнев.

– Может, мне стоит сходить в гости к мамочке Коул? И рассказать, что у ее сынишки проблемы с алкоголем? – нахмурившись и приправив слова легким покашливанием, поинтересовалась она.

Такая забавная. Малышка ЛеБлан не только не знала мою мать, но и не имела власти или авторитета, чтобы разговаривать с ней. Обойдя ее, я дернул за конский хвост, открыл заднюю дверь машины и кивнул, чтобы она залезла внутрь. Рози послушно уселась на сиденье. Я же обогнул машину и устроился рядом с ней.

– Проблема не в пьянстве. Все начинает идти наперекосяк, когда я не пью.

Я нарочно уперся коленями в спинку водительского кресла. Мое крупное и высокое тело едва помещалось в эту машину. К тому же этот ублюдок заслужил. Он продолжал выяснять отношения с женой, отвлекшись от разговора лишь на пару секунд, чтобы уточнить куда мы направляемся.

Рози вытащила бальзам для губ и, обмакнув в него палец, провела им по губам. Сладкий аромат сахарной ваты наполнил салон. Мне хотелось слизнуть блестящий бальзам с ее пальца, а затем засунуть его в ее узкие джинсы, чтобы моя слюна оказалась на ее киске. И все это время она продолжала мне что-то говорить. Черт, а я даже не представлял о чем. Моргнув, я попытался сосредоточиться на ее словах.

– Не верится, что говорю это, Дин, но я беспокоюсь о тебе.

– Забавно, потому что я беспокоюсь о тебе. – Я провел пальцами по волосам, чертовски хорошо зная, что от этого жеста она слегка сжала бедра. – Беспокоюсь, что ты не сможешь долго сопротивляться мне.

– У тебя слишком бурная жизнь, – продолжила она, проигнорировав мой выпад.

Черт, как мне в ней это нравилось. Она никогда не поддавалась мне. Но это ее не спасет. В конечном счете она уступит под моим давлением, ведь я наседаю на нее с тех самых пор, как она рассталась с доктором Кретином. Потому что слова «сдаться» не значилось в моем словаре. Когда я чего-то хотел, то брал это. А я чертовски сильно хотел ее. Целиком и полностью.

– А у тебя ее вообще нет, – возразил я. – Тебе не кажется, что твоя жизнь словно на круиз-контроле? Поспала, поработала, помогла в больнице, повторила? Но скоро я положу этому конец.

Она повернулась ко мне и сглотнула. Я же притворился, что смотрю в лобовое стекло, чтобы Роза вспомнила, как ей нравилась моя внешность. Медленно заманивал ее в свою паутину. Выжидал, пока она запутается в ней, прежде чем накинуться на свою добычу.

Устроившись поудобнее на сиденье – нам предстояло ехать до Тодос-Сантоса около сорока минут, – я решил объявить о своих намерениях. Мне показалось справедливым поделиться своими планами.

– Просто, чтобы ты знала, Малышка ЛеБлан. Я скоро трахну тебя, – решительно сказал я, не обращая внимания на то, как выпучились ее глаза и открылся рот, и на водителя, который перестал ругаться с женой и сейчас с интересом поглядывал на нас через зеркало заднего вида. – Возможно, это произойдет не на этой неделе... Возможно, даже не в этом месяце. Но это точно случится. И как только наступит этот момент, тебе придется встретиться лицом к лицу со своими страхами и сказать своей сестре-святоше, что мы начали встречаться. Или это сделаю я. Потому что как только ты окажешься в моей постели, все остальные покажутся тебе жалкими неумехами. Все. Без. Исключения. Зачем я говорю тебе это сейчас? Чтобы ты знала, что можешь запрыгнуть на мой член, как только тебе этого захочется. В любое время дня и ночи. Ведь наши отношения продлятся очень долго, и мне важно, чтобы ты была счастлива.

– Принято к сведению, мистер Бредятина.

– Рад, что мы это уладили, мисс Я-Скоро-Окажусь-в-Твоей-Кровати.

Рози

Что помогает тебе почувствовать себя живой?

Знакомый запах. Моих простыней, духов, первых вдохов по утрам. Слабого пота, появившегося, когда первые лучи солнца коснулись моей кожи. Запах дома.

Я всегда чувствовала себя обманутой им.

И это не имело отношения к тому, что Дин хотел переспать со мной. Я и сама была королевой одноразовых, краткосрочных отношений. А что еще оставалось, если я знала, что не могу иметь нечто большее? Поэтому, как и он, старалась не заводить их вообще.

Все упиралось в то, что он встречался с моей сестрой и стал моей первой любовью. А эти два факта никогда не должны были оказаться связаны. Черт, да и их даже не следовало совмещать в одно предложение.

Но это не делало их менее правдивыми.

Моя преданность сестре, работавшей на двух работах, чтобы содержать нас, когда я вырвалась из удушающей хватки родителей и переехала в Нью-Йорк, была сильнее, чем потребность напитаться теплом его тела. Да даже если бы он не встречался с Милли, я придерживалась строгой политики «Никаких отношений». И только такому парню, как Дин, удалось украсть мое сердце. На самом деле я не уверена, что он мне его вернул.

Крошечная, нестареющая экономка открыла мне двери особняка Вишеса и Милли, а затем провела внутрь. Я умылась в одной из многочисленных ванных комнат первого этажа и попыталась приободрить себя: «У тебя все хорошо. Ты взрослая. И самостоятельная. Не позволяй им нянчиться с тобой».

После чего вышла в фойе виллы в итальянском стиле, которую сестра со своим будущим мужем купили совсем недавно.

Я шагала по коридорам с золотистыми стенами, через закругленные арки, под величественными люстрами с подвесками, мимо жилых комнат для прислуги – кажется, Милли и Вишес оказались достаточно любезны, чтобы позволить своей прислуге жить под одной крышей с ними, чего не удостаивались мои родители, пока работали на Спенсеров, – прежде чем, наконец, добралась до гостиной.

Я обвела взглядом бесконечное пространство, впиваясь холодными пальцами в спинку шелковистого дивана в викторианском стиле. Мне повезло добраться сюда незамеченной лишь потому, что вилла могла посоревноваться размерами с Лувром.

Мы с сестрой родились и жили скромно, научившись находить радость в нематериальных вещах. Но даже я признавала, что жизнь в таком месте приносила неприкрытую, непрошеную радость. Это место казалось воздушным, красивым и романтичным.

Как и сама Эмилия.

Я медленно наклонила голову в сторону, стараясь запомнить обстановку. Еще несколько месяцев назад Милли и Вишес делили с моими родителями роскошный дуплекс в Лос-Анджелесе. А когда сестра с будущим мужем решили

поселиться у гавани в пригороде Тодос-Сантоса и купили эту виллу, родители захотели жить поближе к старшей дочери и заняли комнату здесь. Хотя это сложно назвать «комната». В их распоряжении собственные гостиная, ванная комната и даже кухня. Так что вряд ли они будут часто пересекаться.

А мне нравилось жить в Нью-Йорке. С его грязью, бурлящей канализацией и в окружении незнакомых лиц. И нравилась моя независимость – я нуждалась в ней, как в воздухе, потому что прекрасно знала, какой удушающей бывала жизнь с родителями, – но, что скрывать, ощущала сейчас себя так, словно мне воткнули черный кинжал в сердце.

– Вот ты где! – прокричала сестра, и я тут же развернулась к ней на каблуках.

Прислонившись к подголовнику дивана, я широко улыбнулась ей.

Милли выглядела по-другому. В хорошем смысле.

Она слегка поправилась, исчезли мешки под глазами, а ее розово-фиолетовые волосы стали гладкими и сияющими от корней до самых кончиков. На ней было белое платье А-силуэта с красными вишнями, которое в сочетании с синими босоножками с тонкими ремешками смотрелось бы нелепо на любом другом, кроме Эмили ЛеБлан.

– Ох, Роза, – воскликнула она и слегка покачнулась, когда я бросилась к ней и сжала в объятиях. – Мне тебя так не хватало, словно я лишилась руки. Можешь себе это представить?

Она отстранилась и, обхватив мое лицо ладонями, посмотрела на меня. Ее огромное кольцо с редким розовым бриллиантом в двадцать один карат сверкнуло на солнце, на мгновение ослепив меня.

Мне следовало бы завидовать ей.

Ее помолвке, дому, жениху и близкому общению с родителями. Что у нее крепкое здоровье, да и вообще жизнь бьет ключом, пока моя еле теплится.

Но на самом деле мне неважно, насколько шикарна ее итальянская вилла. Милли это заслужила. И да, я вполне могла представить, что ей меня так сильно не хватало, словно она лишилась руки. Потому что мне ее не хватало словно воздуха. Я не представляла жизнь без этой чертовки с момента появления из утробы матери. Ей удавалось так заботиться обо мне, что я не чувствовала себя обузой, чего никогда не получалось у мамы.

Сжав мои плечи, Милли улыбнулась и внимательно посмотрела на меня.

– Ты выглядишь слишком хорошо, – сморщив нос, пожаловалась я. – Ненавижу, когда ты так сильно задираешь планку. А ты всегда это делаешь.

Она ущипнула меня за плечо и засмеялась.

– Где твой парень? Я думала, он приедет с тобой.

По какой-то неведомой причине, я тут же вспомнила про Дина, отчего щеки покраснели. А ведь Милли спрашивала про Даррена. Я же так и не призналась семье, что мы расстались. Милли хватало забот по планированию свадьбы, так что мне не хотелось добавлять к ним беспокойство из-за моего разрыва с парнем. Я хотела рассказать все сегодня вечером, но готова была ухватиться за любую возможность, чтобы отсрочить неизбежное. Да я бы даже согласилась лечить зубы у автомеханика, чем сообщить эту новость родителям.

– Мне хотелось провести немного времени со своей семьей. Без лишних глаз, – нацепив на лицо улыбку, сказала я.

Но, судя по медленно ползущей вверх брови, Милли догадывалась о моем обмане.

– Мне все еще не верится, что у тебя появился парень, – пригладив мои светло-каштановые волосы, заявила она. – Казалось, ты никогда не успокоишься.

– Ну, я старею. Двадцать восемь для больных муковисцидозом, как шестьдесят пять для обычного человека. – Я пожала плечами. – Давай поговорим об этом за ужином.

А уже там я разобью ваши сердца, рассказав, что Даррена теперь нет даже на горизонте.

Фыркнув, она подтолкнула меня к коридору.

– Мама ждет тебя. Она на кухне, готовит запеканку.

Мое любимое блюдо. От осознания, что мама помнит об этом, меня окутало тепло.

Родители совершенно по-разному относились ко мне и к Милли. Они уважали, восхищались и советовались с сестрой, а со мной нянчились, душили заботой и обращались как с треснутым яйцом, которое грозило разломиться в любую секунду. Правда, папа относился ко мне в триллион раз лучше мамы. Он восхищался моей язвительностью и радовался, что мне удалось обрести независимость в Нью-Йорке. Маму же больше волновало мое здоровье, поэтому она плохо знала меня как личность. Со мной она вела себя как мама-медведица, которая защищает своего ребенка, но даже не пытается узнать его.

Для нее я символизировала образ больного ребенка, хулиганки и хитрой бестии. Глупой девчонки, которая рисковала своей жизнью ради работы в дурацком кафе в Нью-Йорке, вместо того чтобы жить под ее крылом. Девушки, которая так и не нашла хорошего парня.

Потому что Вишес такой милый мальчик.

Это стало еще одной причиной, почему я до сих пор не рассказала о расставании с Дарреном. Ведь считая, что я встречаюсь с врачом, они не так сильно доставали меня после переезда Милли в Лос-Анджелес. И за это следовало благодарить очарование Даррена. Ведь только из-за него – хоть он и не осознавал этого – родители не доставали меня просьбами вернуться в Калифорнию, чтобы жить у них под боком в безопасном пузыре, как грустный интроверт.

Но меня не интересовала такая жизнь. Я обожала музыку, готовила отвратительный кофе, читала журнал Vice, поднимала настроение встревоженным матерям, которые тряслись над своими недоношенными детьми, и любила погудеть на хорошей вечеринке. Я была личностью. Со своим

характером и мыслями.

Но в Тодос-Сантосе я никогда не чувствовала себя так.

– А где папа? – Я взъерошила волосы Милли, пока мы шли на кухню.

– Поехал в центр с Виком. – Она подтолкнула меня вперед. В воздухе витал аппетитный аромат овощей, корицы и сочного мяса. – Я попросила их купить кое-что в аптеке. Они вернутся через несколько минут.

Стоило переступить порог кухни, как я вспомнила, почему собрала вещи и переехала на другой конец страны, как только окончила школу. Мама обняла меня, похлопала по щекам и спросила, когда появится Даррен. Отчего я почувствовала себя утешительным призом.

Я открыла рот, чтобы тут же все выложить начистоту, но мама перебила меня, не давая вставить и слова, заявив, как она счастлива и гордится тем, что я «наконец-то нашла респектабельного мужчину, с которым угомонюсь».

«Ну же, продолжай, – хотелось выкрикнуть мне. – Скажи, что мне повезло найти мужчину, который готов многим пожертвовать ради больной девушки».

– Наверное, он очень занят. Надеюсь, ты не доставляешь ему лишних хлопот, Роза. Я рада, что он вообще приедет. – Мама потрепала меня по щеке.

Ее тяжелая грудь поднималась и опускалась в такт дыханию. Мама была полноватой, с густыми каштановыми волосами и большими голубыми глазами. И сколько я себя помнила, ее гладкую кожу покрывал тонкий слой пота. Но мне нравилось, как он прилипал ко мне, когда я обнимала ее.

– Ну... – Я слегка покашляла, желая покончить с этим. Сорвать как пластырь. – На самом деле...

– Не могу дождаться встречи с этим парнем. Я даже купила по этому поводу новое платье. Первое впечатление очень важно. И у меня хорошее предчувствие насчет него, Роза. – Она помахала пальцем у меня перед лицом. – Вы уже несколько месяцев живете вместе, и он знает о...

Я прекрасно понимала, что она имела в виду. С тех пор как я рассказала семье об этом год назад, незадолго до отъезда Милли, они начали относиться ко мне как к старой, страдающей артритом и постоянно писающей собаке.

Даррен собирался приехать на свадьбу. Он думал, что к тому времени все решится и мы расскажем моим родителям, что наша очередь на подходе.

Но он ошибался.

А раз мама купила новое платье для встречи с ним, она пребывала в полнейшем восторге. Ведь в своих привычных нарядах она бы точно не составила конкуренцию Кэрри Брэдшоу. Так что я не стала развеивать ее блаженное неведение и приберегла потрясающую новость до тех пор, пока не выплусь и не приду в себя после смены часовых поясов.

Пожив в Нью-Йорке, я сама решала какой именно информацией делиться с семьей. Хорошо, что родители с сестрой никак не могли узнать, что я рассталась со своим парнем. Им просто некому это сказать.

Кроме Дина Коула.

Я сделала мысленную пометку написать Дину, чтобы он держал рот на замке.

– Розы, как дела на работе? – спросила мама и, натянув варежки-прихватки в цветочек, полезла вытаскивать запеканку из духовки.

Запах говядины, лука и жирной яичной лапши поплыл по комнате и забрался мне в нос, отчего желудок призывно заурчал. Милли облизнула губы, глядя на блюдо так, словно на его месте стоял Джейми Дорнан. Вообще ей не очень нравились запеканки, но, возможно, она поняла, как сильно ошибалась, потому что мамины запеканки можно было приравнять к восьмому чуду света. Но только я собралась ответить на вопрос, как мама прервала меня.

Опять.

– Милая моя, ты проголодалась? Садись. Я положу тебе кусочек.

И она похлопала Милли по спине. Я закрыла рот, ожидая, пока она задаст свой вопрос еще раз. Но, видимо, мама плевать хотела на мою работу.

Скрестив руки на груди, я молча наблюдала, как она пронеслась от одного стола к другому, чтобы поставить тарелку перед Милли. Шарлин ЛеБлан была южанкой старой закалки, до мозга костей. И забота об окружающих, особенно о своих детях, пропитала всю ее суть и стала такой же частью, как кровь, бежавшая по ее венам. Но сейчас в этом виделось что-то еще. То, с какой поспешностью мама принялась кормить Милли, навевало мысли, будто сестра не способна сделать это самостоятельно или растеряла все свои зубы.

– Розы? Тебе положить немного? – оглянувшись через плечо, спросила мама, пока открывала холодильник и доставала кувшин со своим фирменным домашним чаем со льдом.

Кусочки персика лениво плавали под горлышком, и при виде них во рту тут же образовалась слюна. Мне хотелось и запеканки и чаю, но к своему удивлению, я ответила:

– Нет, спасибо.

Мама повернулась к Милли и заботливо убрала светло-пурпурные волосы с ее лба.

– Как тебе запеканка? Это же твое любимое блюдо.

Милли кивнула и отправила в рот еще один кусок, а меня просто распирало изнутри.

– На самом деле, – я открыла холодильник, стараясь чувствовать себя как дома, хотя мама даже не пыталась показать, насколько мой приезд желанен, – любимое блюдо Милли – твои сэндвичи с тушеной свининой. А запеканка с лапшой и говядиной – мое любимое блюдо.

Я вытащила бутылку пива с полки одной из дверей. Конечно же холодильник оказался двухстворчатым и таким же просторным, как наша с Милли квартира в Саннисайде. Открутив крышку, я сделал глоток. Да, время для алкоголя еще не

наступило, но где-то во вселенной уже перевалило за пять часов вечера. И мне отчаянно хотелось находиться именно там.

Сестра с мамой уставились на меня с нескрываемым удивлением. Милли сидела с открытым ртом, из которого виднелась непрожеванная еда... Мне хотелось, чтобы она запила ее чаем со льдом, который я так любила – а вот ей больше нравилась кока-кола, – чтобы из ее глаз исчезло замешательство, мелькавшее в них сейчас.

– Простите. – Я поднесла бутылку к губам и взмахнула рукой, прося не обращать на меня внимания. – Это все из-за долгого перелета в компании Дина Коула. Кажется, мы собрали все воздушные ямы в мире. Так что я, пожалуй, утащу свою кислую мину наверх, если вы не возражаете.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

С английского языка прозвище главного героя «Ruckus» можно перевести как «громкий», «шумный», «неистовый».

2

Эмер Фадд – мультипликационный персонаж вселенной Looney Tunes, который охотился на Багза Банни.

3

Джессики Рэббит – мультипликационный персонаж из романов, комиксов и фильмов про кролика Роджера.

4

Брок О'Херн – американский спортсмен, тренер и телевизионный актер с фигурой атлета.

5

Виброжилет – устройство принудительной вентиляции легких, подсоединенное к надувному жилету.

6

Речь идет о книге «Медный всадник», написанной Полиной Симонс.

Купить: https://telnovel.com/ru/shen_l-dzh/neistovyy

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)